

ЭЛВИС ЖИВ

ИДЕЯ — АНТОН КАЛИНКИН

Автор книги
НИКОЛАЙ РОМАНЕЦКИЙ
по сценарию
ДМИТРИЯ ИВАНОВА
и АНТОНА КАЛИНКИНА

18+

Городская проза

Николай Романецкий

ЭЛВИС ЖИВ

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романецкий Н. М.

Элвис жив / Н. М. Романецкий — «Издательство АСТ»,
2020 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-133042-2

Максим Коробов по прозвищу Француз – несостоявшийся музыкант, но совершенно гениальный художник по свету. Его жизнь полна гастролей, тусовок, поклонниц и всего того, чем сопровождается жизнь успешного шоумена. Но однажды Максимилиано просыпается в странном месте: оно не похоже на ад или рай, а человек, назвавшийся гидом, очень напоминает... того самого Элвиса. Теперь Французу предстоит распутать цепочку событий, которые привели его сюда, и сделать все, чтобы спасти самого главного человека в его жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133042-2

© Романецкий Н. М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	5
1. Накануне	7
2. «Бэдлам»	9
3. Накануне	10
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Романецкий

Элвис жив

Пролог

Гид, стоя перед зеркалом, неторопливо брил собственный череп.

Он прекрасно помнил, что всякого рода косметическими процедурами обычно занимаются в ванной – в данном случае в гостиничном номере, где он давно уже проживал, – но с некоторых пор это не имело ни малейшего значения.

Главное, чтобы бритва была опасная – так волосы выбриваются наиболее чисто.

«“Жилетт” – лучше для мужчины нет!»

И для гида – тоже.

Гладкая кожа на собственной голове – решающий фактор при первой встрече с подопечным. Это как экран в старинной киношке. На нем можно показать любые картинки. Хоть охоту Хищника за Арнольдом Шварценеггером, хоть мирную беседу Йогана Вайса с Генрихом Шварцкопфом, хоть фигуру врага в прицеле героини-снайперши... Не имеет значения.

Как не имеет значения и время года на дворе.

Хорошо бы, конечно, чтобы случилась непогода. Чтобы на улице дул сильный порывистый ветер, освобождающий кроны деревьев от желтой листвы. А над головой – быстро темнеющее небо, обещающее неизбежный скорый дождь. И чтобы немногочисленные прохожие спешили скрыться в теплых стенах своих берлог.

Гиду, в общем-то, все равно. А вот гость любит подобную погоду. Хотя это и странно. Такая любовь, скорее, подошла бы коренному петербуржцу, а не уроженцу курортного городка Южноморска. Впрочем, экскурсант же неплохо знаком с Северной столицей, бывал там не раз и даже жил некоторое время, имел на невских берегах кое-каких знакомых, сыгравших в его судьбе не самую последнюю роль...

Впрочем, это тоже не главное. Главное, что именно такая погода – а скорее, непогода – обязательно приведет к встрече... Необходимое, так сказать, условие в череде случайностей, которые сопровождают каждого человека. И некоторые из них совершенно не случайны. Но кто из подопечных об этом догадывается? А если кто-то и догадывается, все равно не в силах ничего изменить.

Фатум. Неизбежность. Божья воля. Судьба. Разные слова, обозначающие одно и то же...

Гид в последний раз коснулся лысого черепа бритвой и положил инструмент на столик трюмо. Некоторое время изучал отражение в зеркале.

– Нормально, – сказал он скрипучим голосом. – Но музыканты оценивают не только внешность. – Он прикрыл глаза, пропел: – Би-бэ-ба-бо-бу-бы-ы-ы... Ми-мэ-ма-мо-му-мы-ы-ы... – И принялся упражняться, меняя согласные, пока после очередного экзерсиса скрип не превратился в глубокий баритон, а потом не поднялся до тенора.

Тогда гид открыл глаза и, по-прежнему глядя на отражение, пропел а капелла:

*Love me tender, love me sweet,
Never let me go.
You have made my life complete,
And I love you so.*

*Love me tender, love me true,
All my dreams fulfilled.*

*For my darlin' I love you,
And I always will.¹*

С каждой строчкой лицо певца оживало, в доселе равнодушном взгляде рождались любовь, сочувствие и печаль. Впрочем, они жили в нем всегда, эти дефекты, – потому его и определили в гиды. Иначе он был бы как все.

Наконец он прекратил петь и сказал:

– Совсем другое дело. Даже самое чуткое ухо ни в жизнь не отличит. – Он сложил бритву и убрал в верхний ящик трюмо. – Добро пожаловать!

И вновь печально улыбнулся собственному отражению.

Потом подошел к окну и выглянул наружу.

Гостиница стояла на берегу ласкового моря, над которым висело яркое полуденное солнце.

¹ Love me tender – знаменитая песня Элвиса Пресли (прим. авт.).

1. Накануне

– Меня, короче, один раз жуть как проперло от «Бэкстрит Бойз»! – Светка взяла у Люсинды сигарету, которую они курили на пару, неглубоко затянулась и затараторила: – Там этот беленький, такой прикольный вообще! А недавно я, такая, как дура, купила нового Эмина, меня от него раньше так перло, я, короче, даже жрать не могла, ну, я дождалась, такая, когда родаки набухались и спать завалились, такая, наушники надела, мне их Бард подарил, за то, что... Ну, короче, неважно, за что... Ну, в общем, включила взяла. Слушаю, и не прет, короче. Вот ни настолечко, прикинь!

«Что меня понесло сюда с этой лахудрой? – подумала Люсинда. – У нее-то все в шоколаде. Повезло дуре!»

Она оглянулась.

Позади на целый квартал протянулся высоченный глухой кирпичный заборище, за которым располагался какой-то давно уже не фурычащий толком завод. Когда-то забор не позволял работникам завода тырить выпускавшуюся тут неведомую фигню, теперь же на него лепили всякие рекламные плакаты. Типа «Сделай паузу – скушай “Твикс”!», «Встречай Новый год вместе с “Кока-Кола”» и прочая мур.

За спиной Светки и Люсинды забор был заклеен несколькими поколениями концертных афиш, и ветер резво поигрывал их обрывками. Правда, верхний слой был совершенно свежий, не тронутый ни дождем, ни солнцем, и с него смотрели на окружающую предгорницкую действительность патлатые рожи музыкантов, о которых в последние дни городская молодежь прожужжала друг другу все уши.

Популярная рок-группа «Бэдлам» – во Дворце культуры «Кристалл»! Только один концерт!

Концерт этот состоялся вчера, и Люсинда со Светкой оторвались на нем по полной программе.

А теперь хотели проводить музыкантов – тянущаяся вдоль забора автомагистраль вела к аэропорту, и именно по ней должны были пронестись покидающие город великие музыкальные гости.

Надо было просто знать, в каком именно часу это произойдет.

Светка откуда-то знала.

Она вообще торчала от рокеров вчистую.

Вот и сейчас в нужном прикиде – напялила на себя футболку с изображением Цоя. Да и размалевана соответствующе, в готическом стиле: черный макияж, накрашенное белилами лицо и облупленный, опять же черный маникюр. В носу и в нижней губе – пирсинг. В пупке тоже, но под футболкой не видно.

В общем, для рокеров – своя в доску!

Не то что Люсинда! Вся в розовой гамме, тоже с облупленным, но розовым маникюром. Да и на майке вовсе не рок-музыкант. Разве что ударная мини-юбка примерно такая же, как у Светки.

Ну, тут уж деваться некуда. Как говорит Изольда Викторовна, классная руководительница девятого «Б»: «С кем поведешься...» И насчет дружбы она, видимо, права. Но подружки не выбирают.

Светка еще пару раз жадно затянулась, вернула сигарету Люсинде и продолжила тараторить:

– Мне у «Бэдов» вокалист жутко нравится. Такой, короче, прикольный. Весь вечер орет как конченный. Я бы у него... ну, короче, неважно. А тебе кто?

– Ты че, совсем дура? – возмутилась Люсинда. – Забыла? Я же с Ди Каприо!

Светка внимательно, будто в первый раз увидела, оглядела изображение на футболке подруги. Пожала плечами:

– Не, Лео, конечно, тоже прикольный. Но я бы так не смогла. Три года с одним парнем...

Люсинда хотела было сказать все, что думает об этой дуре, но не успела, потому что та вдруг заорала, тыча пальцем в сторону:

– Мля, Люси, вон они появились!

Люсинда глянула вдоль забора и увидела выворачивающий из-за угла длинный черный сверкающий лимузин, от капота которого отражалось уже довольно яркое солнце. Следом за лимузином появился микроавтобус. Обе машины стремительно начали набирать скорость, не выказывая ни малейшего желания остановиться.

Да и глупо было бы надеяться на такое чудо.

Люсинда принялась прыгать и махать приближающемуся кортежу. Светка орала что-то неразборчивое, а потом задрала юбку, показывая пассажирам лимузина красные трусики.

Однако лимузин, понятное дело, со свистом пронесся мимо. За тонированными стеклами не было видно ровным счетом ничего. Если кто-то и обратил внимание на Светкины трусики, познакомиться ближе он не пожелал.

Да и в самом деле! Это они на сцене все такие напрочь доступные, а потом и не подойди. Да и на кой ему нужна пятнадцатилетняя девица? Глядишь, еще за связь с несовершеннолетней привлекут. Странно, что Барда это не колышет. Впрочем, Светке вроде уже шестнадцать.

Через несколько мгновений удаляющиеся машины уже не были слышны. Светка тоже перестала орать. И снова ветер зашелестел обрывками старых афиш.

«Все-таки ты, подруга, совсем без башни, – подумала Люсинда. – Я бы, окажись в такой ситуации, никогда не смогла бы показать Лео свои трусы!»

Ей сделалось очень грустно и больно.

Впрочем, дура Светка тоже не веселилась. Это хорошо было видно по ее лицу, когда она обернулась к Люсинде, но так и не нашла что сказать.

И Люсинде пришла в голову потрясающая идея – как прекратить эту невыносимую боль.

2. «Бэдлам»

С сайта «Энциклопедия русского рока»:

Группа «Бэдлам» была создана музыкальным продюсером Платоном Талесниковым в октябре 20** года, став самым успешным из его проектов. В первый состав вошли Герман Кулагин (бэк-вокал, бас), Юрий Смирновский (вокал, соло-гитара), Роман Дубинин (бэк-вокал, клавишные) и барабанищик Валентин Букреев.

Талесников сумел привлечь к работе с «Бэдламом» известного звукорежиссера Илью Зимины и художника по световому оформлению Кирилла Самохина.

Два года спустя Юрия Смирновского сменили Владимир Бельяминов (вокал, экс-«Плюмбум Аурум») и Михаил Воробьев (соло-гитара, экс-«Плюмбум Аурум»), а Валентина Букреева – Тимофей Баскаков (экс-«Галактос»). Первый концерт состоялся 29 декабря 20** года.

Через месяц фирма «Грибов Рекордс» выпустила первый компакт-диск группы – «Ботанические джунгли», разошедшийся миллионным тиражом. Композиции «Маришка-Мартышка» и «Мой братеньник Шимпанидзе» несколько месяцев занимали верхние строчки различных хит-парадов. А сам диск годом позже получил престижную музыкальную премию «KPP» в номинации «Лучший старт».

В том же году началась гастрольная деятельность группы. За минувшее с той поры время «бэдламовцы» посетили с концертами более четырех сотен городов в Российской Федерации, Белоруссии, Украине, странах Средней Азии, в Германии, Франции, Великобритании и США. В ближайших планах группы – кругосветное турне.

3. Накануне

Максим остановил съемку и некоторое время изучал изображение на дисплее цифровухи.

Уже без малого три года, как Платоша повесил на него обязанности летописца «бэдламовцев», и мастер-художник по свету стал, помимо основной работы, снимать все эти гастрольные переезды и перелеты, чтобы вывешивать часть фоток и видеозаписей на официальном сайте группы.

Лишняя реклама никогда не помешает, а некоторые документальные материалы журналистского толка порой привлекают больше внимания публики, чем сами концерты. Вот эти красные трусы наверняка станут популярными. Не одна фанатка Вовца позавидует, что не ей удалось изобразить подобный «поп-арт».

Впрочем, Максиму дополнительные обязанности были не в лом – он во все времена любил фотографировать. А снимать фильм – еще проще.

Но зато и сейчас, в дороге, он вынужден работать, тогда как остальные гастролеры лениво поглядывают в затонированные окна лимузина...

Он нажал кнопку зума и изменил масштаб так, что на дисплее остались видны только лица двух фанаток, не пожалевших времени на ожидание «бэдламовцев». Грустные мордашки девиц, раскрашенные в боевые цвета охотниц за знаменитостями, почему-то тронули его за печенку.

Вспомнилась цитата из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, та самая, из сцены, где антилоповцы, затаившись на обочине, следят за проезжающими участниками автопробега. Что-то типа «мимо пролетела настоящая жизнь»...

Вот так, по-видимому, и смотрели вслед лимузину две юные гопницы, оставшиеся позади, возле забора с концертными афишами всех времен. Бедные телочки даже не догадываются, что настоящая жизнь давно уже пролетела не мимо них, а мимо него, Максима. И уж наверняка они не читали Ильфа с Петровым и даже не слышали о таких писателях.

Кстати, любая из фанаток вполне могла бы оказаться дочкой Максима, кабы в годы, когда предки запроектировали этих красоток, он не рванул из родного города с целью покорить Белокаменную. Впрочем, он, конечно, не совсем прав: если посмотреть со стороны, дяденька – вполне преуспевающий представитель шоу-бизнеса, режиссер по свету охренительно модной группы «Бэдлам»... Подавляющее большинство из подававших когда-то определенные музыкальные надежды ровесников и того в своей жизни не добилось!

Максим убрал цифровуху в чехол и положил на свободное сиденье. Глянул на «бэдламовцев».

Пацанам вчера после концерта Платон сильно надраться не позволил – утром предстоял перелет в Южноморск. У хитрозадого продюсера даже такой пункт в договоре был предусмотрен – перед утренним перелетом излишнее употребление спиртных напитков не допускается. С угрозой весьма внушительных штрафных санкций. По рюмочке-другой они, конечно, пропустить ухитрились, но это ж алкашу-профессионалу – как слону дробина.

Поэтому все с утра пребывали в густых минорах и курили травку.

Вовец Бельяминов, основной вокалист группы, обладатель голоса, от которого тащились вразнос такие вот дурочки, как оставшаяся далеко позади парочка местных фанаток, добив косяк, некоторое время смотрел прозрачным задумчивым взглядом в противоположное окно лимузина, на проносящийся желто-рыжий осенний пейзаж, а потом сказал с бесконечной печалью:

– Вот и вставило...

Герыч кивнул седоватой башкой, но скорее безразлично, чем соглашаясь с Вовцом. Как многие басисты, он был не слишком разговорчив. Зато родную гитару всегда настраивал, бурча

что-то под нос. Некоторые всерьез утверждали, что он при этом молится рок-богу, дабы не лишил беглости пальцев, но это из них перла уже откровенная хрень – Герман Кулагин абсолютно не был религиозен, иначе бы из страха перед Создателем черта с два отзывался на свою кликуху. Он натянул по самые брови вязаную шапочку с лейблом «Спорт», с которой никогда не расставался на гастролях. Как будто ему внезапно стало холодно. Или кто-то невидимый шепнул в Герычево ушко некую весьма неприятную новость, вызвавшую ледяную оторопь в душе.

Промолчал и Платон Иосифович, занятый удалением соринки с рукава своего отутюженного костюма-тройки, обладатель печальных еврейских глаз, взгляд которых будил у большинства окружающих желание кинуть ему монетку. Как говаривал дед Максима – мелочишку на молочишко...

Ну а король звукорежиссуры Илья Зимин по кликухе Зяма, меланхоличный, недвижимый и угрюмый, привычно прислушивался ко всему вокруг, и это увлекательное занятие не давало ему права на участие в разговоре.

Впрочем, оставшееся трио, включающее в свои ряды драмера Тимоху Баскакова, лидерушника Миху Воробьева и клавишника Рому Дубинина, тоже пропустило реплику Вовца мимо ушей.

Каждый был наедине со своими мыслями, каждому не хотелось шевелить языком.

Максиму тоже не хотелось – в конце концов, все уже годами говорено-переговорено, и ничего новенького и остроумного он бы из себя не выдавил.

Да и не было никакого желания шутить. Перед глазами у него все еще стояли давешние грустные фанатки, и любая шутка сейчас была бы как серпом по известному месту...

Поэтому он откинул голову назад, коснулся затылком мягкого подголовника и прикрыл глаза.

Водитель, будто испугавшись наступившей тишины, включил какую-то местную радиостанцию.

Пару минут из колонок неслась всепобеждающая реклама с ее извечным лозунгом, укладывающимся в одно-единственное слово «Купи!», а затем жизнерадостный женский голосок с энтузиазмом сообщил, что к побережью приближается ураган и силы МЧС уже приведены в состояние готовности номер один.

Кто-то из соседей раздосадованно присвистнул.

– Ну вот, – проныл Зяма. – Как бы нас не потрянуло при посадке. А то еще бывает такая штуковина, как турбулентность...

– Заткнись! – коротко оборвал его Тимоха.

И Зяма заткнулся.

А Максим подумал, что с запланированным попаданием группы в его родной город могут возникнуть определенные проблемы.

* * *

Пока машины с музыкантами и аппаратом добирались до аэропорта, предупреждение об урагане по радио прозвучало еще дважды. Однако голубому безоблачному небу было глубоко наплевать на мнение господ метеорологов.

И поскольку любой знает, что последние лажают как минимум в половине прогнозов, то и волноваться больше никто не стал. Даже вечно озабоченный безопасностью своего существования Зяма уgomонился.

Известное дело – то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет... Пятьдесят процентов прогнозов не сбывается, и никто этому не удивляется. А если и удивляются – то исключительно ради красного словца.

А потом водила и вовсе переключил приемник на шансонную хрень. Типа «вези меня, извозчик».

Местный же, что с него взять?

Да и в столице водили сплошь и рядом хрень предпочитают. Если вдруг услышишь в такси какого-нибудь Карлоса Сантану, то перекрестись – не приснилось ли с бодунища! Хотя в последнее время – будем справедливы – порядки постепенно меняются. Таксеры начинают спрашивать, какое радио предпочитает пассажир. Глядишь, лет через десять по всей стране до такого дойдут, и осенит безудержное счастье наши музыкальные души...

Как бы то ни было, извозчик-лимузинщик их до парковки перед аэровокзалом довез. Без происшествий. И погода оставалась – полный клевак. Грузись на борт воздушного судна да стартуй без сомнений!

Здание аэропорта оказалось вполне привычным для глаза человека, вынужденного часто летать по нашей великой стране: низенький и узенький вокзальчик на окраине не очень большого и совершенно некурортного города; пять, от силы шесть рейсов в день, больше – разве что перед Новым годом. Десять допотопных стоек регистрации, из которых работает только одна, при этом вполне справляясь с пассажиропотоком. Засиженное мухами информационное табло с немалым количеством неработающих лампочек. Плюс неременное добродушно-равнодушное поведение местного обслуживающего авиаперсонала.

Вполне может показаться, что все эти граждане – и не работники вовсе, а группа случайных людей, выдающих себя за единый трудовой коллектив. Просто у них ролевая игра повелась такая – каждое утро уславливаться друг с другом, кто какие обязанности сегодня будет выполнять, и вперед, на мины!

По общей договоренности кто-то с утра играет роль дежурного; кто-то – буфетчицы; кто-то выглядывает из окошка справочной, при удаче безошибочно отвечая на заданный пассажиром вопрос. А кто-то просто шатается туда-сюда по зданию, надувая щеки, поигрывая огромной связкой ключей и время от времени скрываясь с неведомой целью за очередной дверью. И стоит пассажиру поставить свой багаж слишком близко от этой двери, как она немедленно распахнется, и обладатель ключей непременно сделает проштрафившемуся бедолаге соответствующее замечание о безусловном соблюдении требований безопасности.

Эта должность наверняка считается самой престижной и самой непыльной, и каждое утро на нее заступает новый претендент, заслуживший такую ответственность по итогам вчерашнего рабочего дня...

Максим поневоле улыбнулся глупости посетивших его мыслей и, прихватив цифровуху, выбрался из лимузина. А оказавшись на тротуаре, тут же надел маску матерого гастролера,двигающегося не спеша и с отвращением ко всему окружающему.

Впрочем, среди музыкантов он ничем не выделялся – все тут нагастролировались за свою жизнь. Работа такая, как говорится...

Поснимал некоторое время, как высаживаются «бэбламовцы», но ничего примечательного в кадр не попало.

Подкатил и микроавтобус с аппаратом. Разгрузили его и покидали барахлишко в тележки мужиков, которых по старинке называют «носильщиками», хотя они уже давно превратились в самых настоящих «возильщиков».

Подхватили ручную кладь и двинулись к входным дверям, сопровождаемые равнодушными взглядами служителей общественного порядка. Впрочем, менты наверняка были своим начальством проинструктированы, кто сегодня покидает их город. Большинство, надо полагать, только обрадовалось – вечером не придется торчать около ДК «Кристалл».

До начала регистрации на рейс время еще имелось. Платоша Талесников, как всегда, отвалил куда-то с намерением решить кое-какие организационные вопросы. В частности, ему требовалось получить разрешение на видеосъемку восхождения столичных знаменитостей на

трап самолета. Ну и, если удастся, озаботиться тем, чтобы на борту им налили по рюмке-другой расслабляющего. Но не больше! Сегодня еще работать, господа! Вот после работы – так и быть.

Господа всем кагалом повалили в туалет. Некоторые, пользуясь отсутствием продюсерского надзора, приложились там к бутылочке «Аква Минерале», в которой была вовсе не вода. Самую малость, чуть-чуть, по глоточку.

Максим присоединяться к ним не стал – пить наравне с молодыми с некоторых пор перестало быть его жизненной задачей. За всеми событиями околоконцертной жизни, как ни гонись, теперь не успеть. Да и не нужно.

Когда вернулись в зал ожидания, к Вовцу подтянулась парочка таких же патлатых, как и он, любителей автографов. Солист с упорством выполнил соответствующий пункт договора, и любители отвалили прочь ошастливленными.

Максим, как обычно, отснял сей процесс. И даже вывесил фотки в сеть. Пусть фанаты позавидуют прущникам!

А потом объявили регистрацию, и все вокруг потянулось в одном направлении.

Регистрационная стойка и в самом деле лихо справлялась с неожиданно возникшей очередью.

Максим, переставляя с места на место рюкзак (он любил мотаться на гастроли именно с рюкзаком), думал о том, что через пару часов уже окажется в родном городе, и мысли эти рождали в нем некоторый мандраж.

Два часа – ну, чуть больше – и он снова увидит полузабытые улочки Южноморска, уходящие от побережья к горам. Непременно смотается на родимый пляж, где поджаривал детскую тушку. И даже, вполне возможно, встретит знакомых с юных лет людей...

Хотя люди те, скорее всего, знакомыми вовсе не окажутся – все-таки двадцать с лишком лет отгрохотало. За такой срок даже мужики изрядно меняются, а уж тетки... Наверняка облезшие и потолстевшие. И его тоже вряд ли кто узнает. Все-таки ж он – не Вовец, чья волосатая рыха пол-Рунета заполонила. И все же, и все же...

Кабы он появился здесь тем путем, каким в родные города приезжают миллионы! Сошел с борта самолета или выполз из вагона – да и растворился в вокзальной толпе. Никто тебя не ждет, если заранее не сообщил. Заселился в гостиницу, да и таскайся по знакомым местам – хоть три дня, хоть две недели...

И если хозяин гостиницы – не бывший твой одноклассник, никто и не прознает о возвращении блудного сына.

А тут все иначе. Наверняка там рекламой все кругом заставлено. И пусть фотоморда на ней – Вовца. Но мелко, внизу, и родная фамилия присутствует. А как же? Платон – бизнесмен. И прекрасно понимает, что в городе многие помнят Максима-Француза, а значит, упоминание о нем всяко повысит шансы на аншлаг. А значит, и башли покруче навалятся. И если бы Максим-Француз воспротивился упоминанию своего имени, первыми бы его не поняли все остальные «бэдламовцы».

Ты че, Максимилиано, не жмура ж лабаем! Они ж не только на нас, но и на тебя припрутся, чтобы поностальгировать по своей молодости. Повздыхают, поохают, кто-нибудь из бабья слезу пустит по излишней душевной слабости. Ну, некоторые наверняка позавидуют малёху, так ведь сам господь велел...

А и вправду, чего не позавидовать-то? Сколько лабухов два десятка лет назад рвануло в Нерезиновую, надеясь там прославиться и разбогатеть, да большинству товарищ обломидзе нарисовался во всю ширь. А ты, Француз, как-никак сквозь толпы страждущих пробился. Хоть и не на первые роли, но завидовать все равно есть чему. И наверняка есть кому.

Так что не хрен селезенкой миноры наигрывать!

И соратники абсолютно правы.

Вообще гастроль предстоит насыщенная. И не только привычными музоном да светомастерством.

Курта непременно надо встретить, с серферовской братвой повидаться. Потарахтеть найдется о чем. Жива там еще моя Сюзи, интересно? Жива, надо полагать, берегут, небось, как собственный бемоль!

И этот... который в те времена лабух лабухом был, в рот мне заглядывал... потом, трындели, очень большие надежды подавал... как же его? Подавал, подавал, да после и сгинул с роковых горизонтов. То ли спился, то ли на дозу сел, то ли просто грохнули на кирном слэме... Нет, не помню ни хрена, даже кликуха из башки напрочь вылетела...

Кстати, если бог руку приложит, то и Лена на концерт прискачет. Впрочем, нет, она ни за что не прискачет – после случившегося таких чудес не бывает... Но встретиться с ней надо будет обязательно, проявить, так сказать, уважение к давним чувствам. Кстати, у нее же бёздник где-то рядом, на днях!

Максим вытащил из кармана куртки потертую записную книжку.

Его уже не однажды поднимали с нею на смех.

Типа в двадцать первом веке такой, с позволения сказать, «раритет»!.. Стареешь, что ли, Максимилиано? Гаджеты-то всяко сподручнее...

Но выбросить записуху не поднималась рука. Всякий раз приходила мысль, что этот обтрепанный «раритет» – единственное, что еще связывает его с давно ушедшими годами и юношескими мечтами. Приходилось отражать наскоки насмешников по полной программе. Спать и кулаками помахать готов был. И книжка всегда оставалась с ним, только переползала из кармана в карман, когда одежду менял. В конце концов, могут же быть и у него некоторые причуды.

И насмешники наконец отстали.

Максим перелистал страницы и наткнулся на затертую черно-белую фотку.

Вот она, Ленка. Елена Волкова. Ровесница и одноклассница. Хотя сейчас, может быть, давно уже и не Волкова. А если не дура, то точно не Волкова.

Перевернул фотку обратной стороной. Там был записан Ленкин день рождения.

Ну да, не просто «где-то рядом», а завтра!

Что ж, наверное, это судьба.

Непременно надо встретиться, даже если она не придет на концерт. Позвонить прямо завтра утром – уж пара часиков-то, если сегодня по окончании концерта в Южноморске не нажираться до пороссячьего визга, всяко найдется. В общем, поздравить и напроситься на встречу. Не согласится – значит, не согласится, наше дело – прокукарекать, а там хоть не рассветай...

Короче, ладно, как сложится, так и сложится. Может, и с Куртом не встретишься, и Сюзи давно загнали...

Короче, будем посмотреть.

А потом ему пришла в голову странная мысль. Черт возьми, ведь, может быть, и неслучайно эти гастроли организовались именно сейчас?

Он не появлялся в родном городе по доброй воле около двадцати лет. Хотя возможности такие иногда нарисовывались. Впервые бывшие одноклассники пригласили его на десятилетие выпуска. Встретиться за ресторанным столом, принять на грудь водочки и закусить, похвастать друг перед другом, кто чего достиг за минувшие годы.

Одна беда – Максим на тот момент по большому счету еще не достиг ничего. Он представил себе, как начнут задавать вопросы, удивляться, сочувствовать. А кто-то – злорадствовать. Пусть даже и в душе...

А спяну могут и напрямую заявить: «Ты, Француз, широко шагнуть решил! Вот тебе жизнь крылышки и подрезала, извини...»

Короче, не поехал он на ту встречу. Отбрехался полным отсутствием свободного времени. Мол, загружен, братцы, по самые помидоры, на носу новый проект, от которого зависит очень многое, так что извините, и рад бы, но из штанов не выпрыгнешь...

Как не поехал и еще через пять лет. А потом и на двадцатилетие. Да, кое-чего он к тому времени уже добился. Бабки в кармане окончательно появились. И хаза московская завелась. Но это было совсем не то, о чем мечталось в юности и после отъезда в Белокаменную. И вроде бы он смирился с систематической невезухой... но, видимо, не совсем, раз не приезжал на встречи. А сейчас, наверное, пришло настоящее время для того, чтобы наконец смириться. Или все-таки не смириться. Бывает же, везет людям несказанно и в таком возрасте. И, может быть, чтобы пруха открыла свои сладкие объятия, все-таки надо пройти хоть через какое-то унижение? Купить, так сказать, индульгенцию за прошлые грехи...

Мистика, конечно, но разве так не бывает в жизни?..

Судя по всему, у Вовца Бельяминова, стоявшего в очереди следом за Максимом, были сейчас совершенно другие заботы, потому что он тронул за плечо:

– Максимилиан, ты ведь здешний... Бывает так, что метеорологи лажают? Я про обещанный ураган. Стремно что-то лететь. Хоть и на А319 нас собираются везти, а не на отечественном дерьме.

По спине Максима пробежал неожиданный холодок.

Надо же! Вовцу – и вдруг стало стремно!

Вот уж кто о предстоящем вообще мог не задумываться. Голос дай бог всякому, простуда к парню на памяти Максима никогда не приставала, заработка на выпить-закусить-покурить всегда хватает, от телок с самыми откровенными предложениями отбоя нет, график гастролей на год вперед расписан. И по России-матушке, и по Забугорью. О чем тут беспокоиться?

Лозунг всех последних лет – клево гастролировать, брателлы!

Да и сам Вовец совершенно не ссыкливый. Скорее уж, безбашенный, как сто китайцев!

И тут вдруг такому герою сделалось стремно...

Но поддаваться внезапно родившемуся у этого баловня жизни настроению – на хрен, на хрен!

Кому суждено быть повешенным, тот не утонет...

– Не пидай, Вова! Тебе господь предписал загнуться от бухла, а не с небес на землю сверзиться!

– А ты откуда знаешь? – удивился солист.

– Я не знаю, я догадываюсь.

Вовец покачал головой:

– Не поверишь, но мне когда-то цыганка и в самом деле нагадала умереть от цирроза печени.

Максим фыркнул:

– То-то ты у нас абсолютный трезвенник!

– Так ведь если в такое верить, нужно всю жизнь изменить. Оно мне надо?

Да уж, тут он был прав. Музыканты трезвенниками не бывают.

И вообще, Высоцкий в свое время утверждал, что лучше от водки, чем от простуд.

– Ну, тогда тебе вообще за самолеты волноваться незачем. И вообще, не в первый раз летим! – Максим прищурился и погрозил пальцем. – А может, ты потому лететь не хочешь, что давешние красные трусики в самый ливер поразили, а? Задержаться захотелось?

Вовец мгновенно приободрился и осклабился:

– Да ну, Француз, скажешь тоже... У меня этих трусиков в коллекции как собак нерезаных. Всех цветов радуги. Если б хранил, шкафы бы переполнились... Хочешь, с тобой поделюсь?

– Не, братан, – мотнул Максим головой. – Я не фетишист, мне в кровать живое подавай.

– Вот и я не фетишист. Потому и коллекции нет.

Тут вернулся с переговоров Платон и показал Максиму большой палец:

– Снимать дозволили, Максимильяно. Я с местными договорился. Проблем не будет. Максим кивнул.

Еще бы Платон не договорился! В стране не найдется человека, с кем бы он не нашел общего языка. Разве лишь президент. Да и то вряд ли... Бабло побеждает все. Ну а не бабло, так просто компакт-диск с автографом.

Платон огляделся и обнаружил свою ручную кладь у ног Герыча. А потом понесся организовывать приемку в багаж «бэдламовского» аппарата.

Слава богу, на такие вот гастроли для неизбалованных группа брала технику по минимуму. В основном обходились местными ресурсами.

Но кое-что летало и с музыкантами.

Одинокая работающая регистрационная стойка вполне успешно справилась со своей задачей, и в положенное время сегодняшний человек с ключами выпустил «бэдламовцев» с прочими пассажирами на летное поле.

На летном поле дул ветер и было бесконечно пусто.

Недалеко от здания гостей сиротливо ждал самолет. Вокруг него еще суежилась обслуга – загружали багаж. Ничего необычного. Как и, скажем, во Внукове. Разве что там порой тебя к борту на автобусике подвозят, а не пешеходом по бетону чапаешь.

Максим включил камеру и принялся снимать музыкантов. Каждодневная летопись гастроли хоть как-то спасала от скуки. Все топали с совершенно бесстрастными физиономиями, только Зяма изо всех сил изображал бодрость духа. У него выражение лица сменится, когда запустят двигатель.

И дальше все было монотонно-привычно.

К самолету подогнали древний, но вполне работоспособный трап. Поднялись на борт, поздоровались с проводницами. Те сияли, ощущая свалившееся на их плечи счастье. Будет чем похвастаться перед родными и знакомыми.

«Бэдламовцев» провели в бизнес-класс, где они оказались единственными пассажирами.

Зяма, расположившийся через проход от Максима, задумчиво вытащил из сетчатого кармана на спинке переднего кресла рекламный буклет местной авиакомпании. Максим еще немного поснимал, а потом последовал его примеру – надо же как-то убивать оставшееся до старта время. На обложке буклета красовалась рискованно закладывающая поворот «Тушка», а выше – слоган компании: «С нами улетишь!»

Зяма помрачнел и спросил сидящего рядом Платона:

– Не в курсе, у этой авиакомпании падали самолеты?

– А они у них вообще взлетали? – с еврейской печалью вопросом на вопрос ответил тот. Герыч даже не попытался снять свою вязаную шапочку.

Максим снова занялся видеосъемкой.

Вдоль рядов пошла стюардесса, очень симпатичная девушка с ладной фигуркой. По ходу принялась закрывать багажные полки, дабы при взлете никто из пассажиров не получил по тышке ручной кладью. Скромно улыбнулась камере в руках Максима. Надо же, стесняется!

– А нельзя ли принести нам выпивку? – спросил Вовец.

То ли ему по-прежнему было стремно, то ли совсем заскучал в ожидании.

Симпатичная стюардесса сбегала за занавеску, отделяющую салон от буфета, и после полуминутного отсутствия принесла рюмки на подносе, наполненные светло-коричневой жидкостью.

– Виски.

Видимо, Платону в очередной раз удалось решить не только вопрос с видеосъемкой, но проблему обеспечения VIP-персон расслабляющим.

Популярных музыкантов везде любят. Как и предлагаемые ими деньги...

Вовец взял рюмку и опрокинул содержимое в рот. Поморщился, но потянулся за второй.

– Хватит, – коротко сказал Платон, пресекая эту попытку.

Вовец снова поморщился, однако сразу утомился. С работодателем не поспоришь.

Максим от выпивки снова отказался – как и в вокзальном туалете. Но если там потребовалось некоторое усилие воли, то здесь – нет, просто совершенно не хотелось.

Между тем угостившиеся начали погружаться в сонно-безразличное состояние.

Из-за занавески появилась торжественно улыбающаяся старшая стюардесса. Равнодушно-приветливо поприветствовала пассажиров и принялась привычно пересказывать инструкции: как вести себя при аварийной посадке и как пользоваться спасжилетами. Сидящий рядом с Максимом Герыч надвинул поглубже шапочку, явно готовясь отойти ко сну.

А вот Зяме сделалось дурно. Он прикрыл глаза и откинулся на подголовник кресла, явственно сглотнув.

Сколько себя помнил Максим, звукорежиссера всегда трясло перед взлетом и посадкой. Остальные давно уже даже не ржали над его слабостью. В конце концов, у каждого свои тараканы... Зато во время полета Зяма обязательно отстегивался. Хотя и прекрасно знал, что при попадании в зону турбулентности пассажиры способны летать по салону как булыжники. Но так ему было удобнее...

Главный пилот дежурными фразами поприветствовал пассажиров по трансляции.

Наконец двигатели заработали, погудели немного, и самолет сдвинулся с места, направляясь к взлетной полосе. Остановился на несколько мгновений.

Потом двигатели принялись набирать обороты.

Ну вот, остается меньше двух часов, и родной городишко распахнет перед нами свои дружественные объятия.

Зяма тут же принял «положение при катастрофе» – нагнул голову к коленям.

В былые времена ему, наверное, следовало бы доплачивать за вредный труд. Как работникам кузнечного цеха. И молоко выдавать. Как ни крути, а при каждом перелете стресс у мужика...

Кстати, вполне может быть, что Платон ему и доплачивает: Зяма, опять же, как ни крути, – великий мастер своего дела.

Максим засунул цифровуху в сетчатый карман и глянул на остальных.

Музыканты делали вид, что дремлют. А может, и в самом деле уже дремали.

Вдруг двигатели резко сбавили обороты.

Все удивленно встрепенились, приоткрыли глаза. Но загомонить не успели.

– Дамы и господа, – сказал голос пилота, – спасибо, что отдали предпочтение нашей авиакомпании. Приносим свои извинения, но рейс отменяется в связи с нелетной погодой в аэропорту Южноморска.

Максим машинально глянул в иллюминатор. На безмятежном небе, как и прежде, не наблюдалось ни единого облачка.

* * *

Когда выгрузились и вернулись в здание аэровокзала, Платон отправился на переговоры с местным начальством, чтобы прояснить ситуацию. А когда вернулся, сообщил:

– Парни, перспективы крайне туманные. Метеорологи внятного ответа не дают. Вполне может получиться так, что аэропорт в Южноморске откроют только к вечеру. А то и вообще завтра. У нас есть два варианта: либо воспользоваться автомобильным транспортом, либо ждать.

– На автомобиле через горы катить часов шесть, – сказал Максим. – Мы все равно не успеваем подготовиться к сегодняшнему концерту. Да и вымотает всех. К тому же в горах тоже с большой вероятностью будет хреновая погода. А там опаснее будет, чем в самолете. Можно и костей не сосчитать при езде по серпантину.

– То есть ты полагаешь, что имеет смысл переждать непогоду тут, в Предгорице?

– Несомненно. Здесь уж точно ничего не случится. Разве что землетрясение...

– Типун тебе на язык, Максимилиано!

– Я пошутил, Платон Иосифович. – Максим не смог сдержать улыбку, увидев перепуганную физиономию Зямы. – Больше трех баллов никогда не случилось... Сможешь перенести концерт?

– Смогу, разумеется. Это ж явный форс-мажор. В договорах с местными организаторами такие вещи предусмотрены.

– Значит, переноси.

– Ясно. Есть у народа другие мнения?

Других мнений не нашлось, и Платон побежал окончательно договариваться с начальником аэропорта.

Когда он ушел, Вовец, Тимоха и Рома тут же приложились к пластмассовой фляжке, добытой из сумки Герыча. Это «мнение» их интересовало намного больше.

Максим и сейчас пить не стал. По-прежнему желания не возникало.

Но главное заключалось вовсе не в отсутствии тяги. Ему вдруг пришло в голову, что сей мыслительный орган сегодня запросто может понадобиться хозяину в трезвом состоянии.

В первый момент, когда объявили об отмене рейса «Предгорица – Южноморск», он, несмотря на предыдущие здравые мысли, даже порадовался, что встреча с родным городишкой откладывается. Однако потом ему сделалось стыдно. В конце концов, впереди у него явно не возвращение блудного сына. Ибо для подобного возвращения не хватает жалости к самому себе и жажды повиниться.

А главное, в связи со случившимся форс-мажором у него появилась возможность совершить то, на что никогда бы не нашлось времени при нормальном раскладе. Надвигавшийся ураган предоставил приличную паузу в гастрольном расписании. Пока «бэблэмовцы» дождутся летной погоды, пока снова погрузятся на самолет, пока прилетят... Даже в худшем случае у него будет минимум полсуток.

И он прекрасно понимал, что этим окном надо воспользоваться. Иначе он никогда себе не простит. А другого такого случая может и не представиться. И вообще, чтобы пошла пруха, может быть, совсем не обязательно проходить через непременно унижение?... Может, есть неунизительные встречи?

Платон вернулся от местного авиационного начальства с добрыми вестями. Ему удалось договориться, чтобы основной багаж «бэблэмовцев» остался на хранении в аэропорту. Сегодняшний концерт в Южноморске перенесут на послезавтра. Завтрашний состоится, как запланировано. Если непогода в Южноморске прекратится, они вполне успевают. Метеорологи, правда, пока ничего не обещают, но можно будет скорректировать планы и завтра.

А кроме того, он нашел гостиницу недалеко от аэровокзала. Уровень, конечно, не тот, что в «Центральной», где они провели двое последних суток, но и, судя по отзывам аэропортового руководителя, вовсе не клоповник.

Так что, парни, сейчас покидаем эти негостеприимные пенаты, берем такси и отправляемся туда. Если у метеорологов нарисуеться погодное окно, нам сообщат.

Тут Максим к нему и подвалил:

– Слушай, Платон Иосифович... Мне бы все-таки надо попасть в Южноморск сегодня. Разреши отвалить. А там я вас встречу. Только в тамошнюю гостиницу позвони, чтобы меня заселили. А то в наши забронированные номера наверняка кого-нибудь впихнут.

Платон встретил предложение в штыки.

– Максимилиано, ну ты же не мальчонка! – заорал он, размахивая руками и брызжа слюной. Видимо, разговор с местным начальством все-таки стоил ему кое-каких нервов. – Ты же знаешь: один отвалит, и все захотят. Ну посмотри на них, они же уже хотят! – Он кивнул на безразличные лица музыкантов. – Расползутся, как тараканы по щелям, и попробуй их собери! По всей Предгорице бегать придется... Не дури ради бога. Перекантуемся в гостинице, а потом – два часа... ну три, и мы в Южноморске. Я обязательно выделю тебе пару часов на твои дела. Вот провалиться мне на этом самом месте!

«Ну, нет, – подумал Максим. – Знаю я эти ваши обещания. Не первый год замужем. А главное, чтобы побывать на Нашем Месте, пары часов никак не хватит. А съездить туда надо обязательно. Пусть даже и одному».

– Извини ради бога, Платон Иосифович, – сказал он, вешая рюкзак на плечо. – Мне не в тараканью щель, мне в родной город надо позарез. Ты меня знаешь, я всегда шел навстречу производственным интересам. Так пусть хотя бы раз и мне навстречу пойдут. – И, улыбнувшись, потопал на стоянку маршруток.

Можно было бы, конечно, взять такси. Но продолжать общение с Платоном – а он непременно станет ныть, пока их пути на сегодня окончательно не разойдутся, – на хрен, на хрен!

Решительные поступки надо совершать в одночасье.

* * *

Маршрутка привезла Максима на автовокзал.

Народа тут было побольше, чем в аэропорту. Что неудивительно: по земле добраться из краевого центра на побережье дешевле, чем по воздуху. Одни пассажиры стояли в очереди в кассы, другие, таская за собой груженные тележки на колесиках, бегали от дверей, ведущих на посадочные платформы, к туалету и обратно, третьи внимательно изучали карту маршрутов и расписание автобусов.

К последним Максим и присоединился. Некоторое время бегал глазами по строчкам, пока не убедился: автобусы из Предгорицы в Южноморск, как в старые времена, по-прежнему ходят. И ближайший – всего-то через час. Дай бог, чтобы билеты на него были. Потому что следующий – аж через четыре часа, и доберешься на нем только к вечеру. Встретиться со старыми знакомыми, конечно, не помешает, но, во-первых, количество таких встреч придется сократить, а во-вторых, терять столько времени впустую...

И он отправился к кассам. Однако едва успел встать в очередь, как скучный женский голос объявил:

– Уважаемые пассажиры! В связи с приближающимся к побережью штормом все рейсы в направлении Южноморска отменяются. Вы можете сдать купленные билеты или обменять на другие рейсы при наличии свободных мест. Приносим извинения за доставленные неудобства.

Народ явно заволновался. Кое-где зазвучали вопросы об альтернативных вариантах.

Максим тут же выскочил из очереди.

Значит, те, кому в Южноморск нужно сегодня позарез, кинутся сейчас на такси. А таксеры немедленно поднимут плату за проезд сверх счетчика. А она, надо полагать, и по счетчику-то немаленькая. Но пока имеется какой-никакой шанс успеть удрать отсюда по старым расценкам. Как известно, кто первым встал – того и тапки...

Он ринулся на стоянку такси.

И круто обломался.

Первый же таксист, к которому он подскочил, молодой кавказец, сказал:

– Извини, брат, я туда нэ поеду. Жызьн дороже.

– А за три счетчика?

– Даже за дэсять нэ тронусь. Мертвому дэньги нэ нада!

– Ладно. – Максим пожал плечами. – Поищу других.

– Нэ найдешь, брат! Дураков нэт!

Он оказался прав. Четверть часа поисков ушли впустую. У последнего отказчика Максим спросил:

– А где у вас бомбилы нашего брата караулят? Должно же быть такое место!

– В Южноморск и бомбилы не поедут, – уверенно заявил таксист. – Им тоже жить хочется.

– А как же мне отсюда свалить?

– А никак! Жди, пока погода наладится. Или на собственной машине поезжай. На свой страх и риск. Тут тебе никто не сможет помешать. Даже гибэдэдэшники.

Максим уныло потопал со стоянки.

Собственная машина осталась за тысячи километров отсюда, в Москве-матушке.

И тут ему в голову пришла весьма неглупая мыслишка.

Кто-то, помнится, говорил, что в Предгорице живет Бард, давно уже переехал из Южноморска в поисках рокерского счастья. И телефон его, кажется, давали. Правда, звонить по этому номеру прежде не доводилось. Вроде повода не было, а болтать с Бардом без повода...

Что ж, вот вам и повод, серьезнее на сегодняшний день хрен найдешь...

Он снова вытащил из кармана записуху-раритет. Едва открыл, под пальцы тут же сунулась Ленкина фотография, но он аккуратно перелистнул страничку дальше.

Ага, вот нужная, на букву «Б». А на ней, в самом низу, номер Барда. Как хорошо, что когда-то записал вроде бы совершенно ненужный номер!

Максим вытащил из кармана смартфон и набрал, то и дело сверяясь с записью, одиннадцать цифр.

Вместо гудков зазвучала мелодия песни Розенбаума «Вальс-бостон».

Ну ни хрена ж себе! Какое позорище для рокера! Сдулся, мужик, что ли? До попсовых рингтонов докатился...

Потом в трубке возник давно забытый, но неожиданно знакомый голос.

– Слушаю вас внимательно.

– Алло, Бард, ты? Привет, это Максим.

– Максим? Какой Максим?

– Коробов. Ну, Француз!

– А-а, Француз! Сколько лет, сколько зим...

Голос давнего приятеля сопровождался инструментальной музыкой, и музыка эта ничем не отличалась от мелодии рингтона.

– Слушай, Бард... Дело у меня есть.

– В смысле? Ты где?

– Да я в Предгорице сейчас. На гастролях.

– А ведь и точно, кто-то мне говорил...

– Вот! Нужна твоя помощь.

– Без проблем, Француз. Только подожди секундочку. Я на сцене шас... В «Караоке-центре», знаешь такой? – Бард замолк. И тут же в трубке раздался его изменившийся, отдаленный голос: – Как часто вижу я сон²...

В первый момент Максим слегка ошалел, но потом сообразил – он застал Барда прямо во время выступления, и, чтобы продолжить разговор, нужно было подождать, пока наступит пауза.

² Из песни А. Розенбаума «Вальс-бостон» (прим. ред.).

– Все поешь... – не удержался Максим и настроился на ожидание. Однако когда певец дошел до слов «ты мой каприз», сбросил вызов. Некоторые вопросы нужно решать не по телефону. При личном общении добиться своего намного проще и быстрее. Да и просто интересно, в кого превратился давний приятель за минувшие годы.

Ну и, в конце концов, не зря же надвигающийся шторм задержал его в этом городе! Судьба зазря такие знаки не подает.

А Бард просто может перезвонить, когда пауза наступит.

* * *

Бард не перезвонил.

Максим вернулся к вокзалу, на стоянку такси.

С новым маршрутом никаких отказчиков среди таксеров не обнаружилось.

– До «Караоке-центра», уважаемый? – закивал первый же. – С нашим удовольствием! Садитесь, вмиг домчу!

Насчет «вмига» водила, конечно, загнул – как ни удивительно, в Предгорице тоже были пробки. Впрочем, где их в наше время нет? Даже в тмутаракани какой-нибудь не чудо – упереться в хвост медленно ползущей по улице колонны.

Но за двадцать минут, то и дело сворачивая в какие-то только местным известные закоулки, таксист домчал.

Необходимое Максиму здание оказалось вполне современным – стекло, бетон и неон. Правда, окна с внешней стороны были затонированными, и разглядеть, что творится внутри, не представлялось возможным.

Над входом и вправду призывно мигала радужными красками хорошо заметная даже в дневном свете надпись «Караоке-центр». Это вовсе не было сокращенное название какой-нибудь «Серенады солнечной долины» или «Музыкальных крыльев Пегаса».

Видимо, хозяева заведения фантазией не отличались. А клиентов и так все устраивало.

Максим расплатился с таксистом и двинулся напрямиком к крутящейся двери клуба.

На площади перед заведением выстроились рядами-елочками машины «любителей караоке». Парк их впечатлил бы любого. «Мерседесы» и «лексусы» находились в явном меньшинстве. Преобладали «бентли» и «роллс-ройсы», «ламборгини» и «феррари».

Судя по всему, предгорицкие хозяева жизни совсем неплохо устроились в этой самой жизни.

Максим шел между рядами машин, то и дело слыша возгласы:

– Столица Гренландии, чуваки?

– Сказка Гэ Хэ Андерсена?

– Актер индийского кино? Аж десять букв.

– Радж Капур.

– Ага, вроде подходит.

Скучающие водители бриллиантовых автопоездов в ожидании владельцев явно развлекались групповым разгадыванием кроссвордов.

– Первый человек на Луне?

– На Луне?

Максим продолжал путь, зачем-то прислушиваясь, будто водилы случайно могли ответить на мучившие его в последнее время вопросы.

– О, мля, еще один.

– Что еще один?

– Еще один пожаловал.

– Это надолго.

- Отстреливать их, что ли?
- Слушай, отстреливать их – не твоя работа.
- Да черт с ним, что там дальше?
- Все то же... Первый человек на Луне?
- Армстронг, если мне память не изменяет.

Водилы остались за спиной – Максим поднялся по ступенькам к вращающейся двери и просочился внутрь клуба.

Интерьер тут мало отличался от тех, что были в столичных кабаках. Обширный холл, подсвеченный скрытыми в потолке светильниками. Кое-где зеркала, увеличивающие видимое пространство. Направо – кафе-бар, в противоположной стороне – открытые двери в ресторан. Оттуда доносился хриловатый голос, выводящий все тот же «Вальс-бостон». Голос казался незнакомым.

И действительно, не мог же Бард столько времени насиловать Розенбаума в одиночку!

Максим вошел в зал.

Ресторан как ресторан. Явное окончание корпоративного банкета некой небедной фирмы. Явно начали еще вчера вечером, но хватило сил и на второй день. Как это обычно бывает на свадьбах. Если ты не вернулся утром, ты – слабак!

Половина столов, правда, уже свободна – и от клиентов, и от посуды. Уставшие официанты и зачуханные официантки. В зале обрюзгшие мужики в белых рубашках с закатанными рукавами; пиджаки и галстуки висят на спинках стульев, а у одного стола валяются на полу. Кое-где о тарелки звенят вилки и даже ножи.

Но явно не свадьба – в зале практически нет молодежи.

Оказалось, Максима Коробова некоторые тут знают.

Сразу с двух сторон донеслось:

– Привет, Француз!

– Здорово, Максимище!

Слава, пусть и местного значения, – все равно слава. Мелочь, а приятно.

Максим, не узнавая здоровавшихся, приветливо махнул рукой сразу всем присутствующим.

Родившейся в нем целеустремленности сейчас бы позавидовал любой крутой бизнесмен.

За ближайшим к Максиму столом две корпоративные дамочки, в нарядных блузонах и с мощными, как капот уазика, грудями, с укладками феном и заплаканными от употребленной водки, бледными лицами, несущими размытую непритворными слезами печать красоты прошлого века, чокнулись наполненными рюмками.

Одна из них плаксиво сказала:

– Ленка. Пойдем домой. Напились, наелись, натанцевались, наревелись как дуры. Пойдем домой, а?

– Танька! – шумно возразила вторая. – Да куда нам спешить-то? Что оплачено, должно быть съедено. И вообще, сегодня выходной начальство объявило.

Максим быстро прошел мимо.

Не хватало еще, чтобы они заметили одинокого мужика. Приклеятся – хрен отдерешь! А времени на такие приключения попросту нет.

Он глянул на сцену, явно не имеющую никаких претензий на концерт группы *Pink Floyd*. И обомлел – перед микрофоном все еще торчал Бард. В затертой футболке с надписью, прочесть которую с первого взгляда было просто невозможно, с устало-мудрым выражением лица, чуть прикрыв глаза, – похоже, чтоб не видеть публику, – он в очередной раз хрипло выдавал «Вальс-бостон».

Топающий навстречу официант с холодными, как свежее пиво, глазами и наполненным грязной посудой подносом в руках, кивнув Максиму, сказал:

– Ты вовремя. Друга твоего, – он кивнул в сторону Барда, – скоро свои же застрелят. На одну всего песню вышел. Черт-те когда, и вот... так каждый раз. Людей бы пожалел.

Он тоже явно знал Француза. Максим изобразил на физиономии встречное узнавание, ответно кивнул, но прошел к сцене молча.

Бард вдохновенно вытянул строчку: «В котором осень нам танцует вальс-бостон» – и заставил гитару разразиться прощальным «фа мажором». Заплаканные Ленка и Танька обогнали Максима, накинулись с двух сторон на певца и принялись целовать его, благодарно и душевно. Как сына.

Бард наконец открыл мутные глаза, разглядел Максима, аккуратно отодвинул обеих «мамочек», снял гитару и, положив ее прямо на пол, с радостным лицом сразу же устремился к другу.

Не ответить на крепкое объятие старого приятеля было просто невозможно.

Бард некоторое время хлопал Максима по спине. А потом воскликнул:

– Француз! Как же я рад тебя видеть! А я вот теперь тут. – Он обвел зал ресторана широким жестом. – Публика своя в доску. Ходят на меня, да... Скоро у меня и собственная программа будет. Название знаешь, какое? «Не тронь души моей печаль»! Мороз по коже, а? Розенбауму название продать хотел, потом жалко стало. – Бард рассмеялся, не прекращая тараторить: – Себе оставил, да. Помнишь, как мы мечтали группу свою создать, а? А как назвать хотели, помнишь? «Ви а зэ чемпионз»! Да. Так и не создали. – Он резко погрузился, явно убегая в воспоминания.

Однако обуревавшее его несколько мгновений назад чувство было непритворным. Он явно радовался старому приятелю, с которым когда-то жил совместными юношескими мечтами.

И Максим, сам не зная почему, растроганно ответил:

– Слушай, Бард... Эта кликуха моя... Француз. Я совсем забыл. Откуда она взялась? Кто ее придумал тогда? Я что, и в самом деле похож на француза?

Бард не ответил на заданный вопрос.

Он еще раз похлопал Максима по спине и спросил, глядя ему в глаза:

– Но ты же не считаешь, что мы – поколение неудачников?

«У всех одни и те же проблемы», – подумал Максим.

Но поддержать сейчас Барда духовно значило застрять тут, в Предгорице, на неопределенное время. В компании не только со старым приятелем, но и с принесенным на стол запотевшим графинчиком и немудреной закуской, с присоединившимися к честной компании знакомыми и незнакомыми собутыльниками, с очередным опозданием, каких по жизни и так было пруд пруди...

Потому Максим жестко ответил:

– Считаю, Бард. Мне машина требуется. Просто позарез нужна. Поездка одна нарисовалась.

У Барда будто отвалились ангельские крылышки. Он, скорее всего, как раз рассчитывал на честную компанию, запотевший графинчик и немудреную закуску. И на светлые воспоминания о далекой юности, с ее безудержными мечтами и надеждами. Но удар он пока держал.

– Нужно, так нужно. Ты же знаешь меня, – проговорил он, снова грустно улыбаясь. – Я друзьям всегда помогал. Тем более друзьям с младых лет.

И принялся запихивать гитару в чехол.

* * *

Поскольку Бард за время своего сегодняшнего концертирования опрокинул на грудь немалое количество огненной воды, запретной для водителя, его машины перед клубом не оказалось.

– Я на концерты и с концертов на такси езжу. Сам понимаешь, иначе никаких денег не хватит... Сейчас вызову.

Это тоже о многом говорило. Немало знакомых Максиму музыкантов на работу прикатывали на собственных автомобилях. Специально, чтобы на многочисленные предложения обмыть удачный концерт можно было виновато, но гордо сказать: «Я за рулем, мужики. Мне сегодня ни в коем разе». Тем, кто послабее духом, это, правда, не помогало – им настырно объясняли, что можно потом заказать услугу «Трезвый водитель», и они довольно быстро ломались. Со всеми вытекающими из этого факта последствиями...

Тачку долго ждать не пришлось – едва успели выкурить по сигаретке, как машина прикатила.

Таксер Барда знал, поскольку поздоровался с ним за руку. Славу местной знаменитости, как ни старайся, не пропьешь...

К Максиму он тоже некоторое время присматривался, но выражение узнавания на его физиономии так и не появилось.

Столичную знаменитость это совершенно не волновало. В душе Максима вдруг родилось нетерпение, какого он давно не испытывал.

А еще он опасался, что старый приятель вновь начнет доставать его разговорами «за жизнь», то жалуясь, то хвастаясь, но Бард помалкивал, барабанил пальцами по не до конца укрытому в чехол корпусу гитары. Звука цокающих копыт, правда, за шумом двигателя слышно не было.

Однако он явно хотел что-то сказать, просто по неведомой причине не желал, чтобы при разговоре присутствовал посторонний свидетель. И когда добрались до места, тут же расплатился и попрощался с таксистом.

Гараж у Барда оказался вполне приличный, крытый металлочерепицей, кирпичный, с массивной стальной дверью о трех замках.

И неудивительно – когда хозяин открыл ворота, Максим в восхищении присвистнул: его взгляду открылась новая, ослепительно алая, можно даже сказать – огненная «альфа ромео». Этаким факел на четырех колесах!

Видно, Бард на своем «Вальсе-бостоне» не так уж и плохо зарабатывал.

Однако проявлять восторг показалось унижительным, и потому Максим глянул на хозяина гаража с нескрываемой иронией:

– Твоя?

Бард немедленно помрачнел. Аж скулы закаменели.

– А ты все-таки сволочь, Француз! Это ж женская машина, я ж тебе не Филиппок. Своей купил. Но ты смотри с ней поаккуратней, а то моя меня, если что, убьет! Кстати, куда ты намылился-то?

Правду говорить было ни в коем случае нельзя. Ответ: «Домой, в Южноморск», – и на этом разговор мгновенно закончится. Надо быть голимым идиотом, чтобы, пусть и старому приятелю, дать машину для поездки в другой город.

Так что правду мы выложим потом, по телефону. Бард, конечно, выскажет все, что о Французе думает, но изменить уже будет ничего нельзя. Разве что срывайся с места и приезжай, чтобы отобрать... Ладно, оставим этот факел возле гостиницы, а ключи и документы передадим через кого-нибудь.

– Да надо съездить кое-куда, тут, поблизости. Очень важная для меня поездка. Считаю, дело всей жизни.

– Хоккей! Как съездишь, позвони. Ну и гони ее прямо сюда, к гаражу, я подгребу.

– Только боюсь, за сегодняшний день не обернусь.

– К бабе, что ли, собрался?

– В точку! Именно к бабе.

Бард на пару секунд задумался, а потом как будто даже обрадовался.

– Ладно, пользуйся. – Он протянул ключи на вычурном брелоке, выполненном в виде русалки. – Будешь должен.

– Ноу проблемс!

Максим закинул рюкзак на заднее сиденье, забрался в салон, включил зажигание и с удовольствием послушал негромкое шуршание двигателя. Через мгновение машина с ревом вылетела из гаража и остановилась.

Тормоза были в полном порядке.

Бард подошел к водительской дверце и протянул старому приятелю свидетельство о регистрации:

– В полис тебя надо вписать. А то до первого гаишника доедешь. Такую тачку обязательно остановят, сам понимаешь. Катим в страховую.

Но душу Максима вдруг охватило мучительное нетерпение. Как в детстве, когда было не дожидаться мультиков по телевизору...

Оформление полиса – это еще час потерянного времени.

– А на хрена, Бард? Вряд ли наши гаишники за эти годы изменились. Прихватят – откуплюсь. Не впервой! Они ж, наверное, тоже на концерты ходят, должны меня узнать...

Бард покачал головой:

– Дорогонько обойдется! Получится, ты вроде автоугонщик. Заметут по полной программе! Ни одна баба того не стоит. Да и у меня проблемы могут появиться.

Он был прав.

Нетерпение нетерпением, а в серьезный конфликт с законом вступать... Платон, возможно, и отмажет, но потом семь шкур сдерет. И будешь должен за выигранный час времени сразу двоим. Так что засунем собственную торопливость туда, где ей самое место.

– Да, согласен. Поехали в страховую. Оформим все чин чинарем.

Им повезло.

Страховая оказалась неподалеку, и очереди в ней не наблюдалось. Уже через полчаса все было на мази. Номер водительского удостоверения Максима вписали в полис ОСАГО, и дорога к Нашему Месту стала совершенно свободной.

Когда вышли из страховой и Максим, переложив рюкзак в багажник, снова уселся за руль, Бард сказал:

– Ну, в добрый путь. – А затем хитро улыбнулся. – Кстати, Француз, чуть не забыл! Насчет долга... Мне же клип надо снять. В смысле, скоро потребуется. Ну, чтобы взяли «Эм-ти-ви», «Русское радио», вся эта ботва, как обычно. Сколько в Москве сейчас клип снять стоит? Знаешь, такой, со смыслом, идейный, с актером каким-нибудь из старых звезд... с этим, например... как его?... Во! С Будулаем!

«Так вот о чем ты помалкивал в такси, – подумал Максим. – И вот почему так обрадовался моей просьбе. А впрочем, оно и к лучшему. В такой ситуации скорее тебе нужна моя помощь, чем мне твоя».

– Будулай в Молдавии и не слишком здоров, – сказал он. – Ладно, найдем кого-нибудь на замену. Короче, обещаю – помогу, чем смогу. Надо только в столицу вернуться. Такие вопросы по телефону не решаются, сам понимаешь.

– Лады! Буду иметь в виду.

Они пожали друг другу руки, и Максим тронул машину с места.

Набирая скорость, он глянул в зеркало заднего вида.

Бард смотрел ему вслед уже без улыбки.

Выражение лица у него было весьма странным. Будто он уверен, что видит старого приятеля в последний раз.

* * *

На сей раз судьба встала на сторону Максима – из краевого центра удалось выбраться практически без пробок. И четверти часа не прошло, а машина уже неслась среди желтой выгоревшей травы по пустой трассе.

Судя по всему, местные водители и вправду не рвались сейчас в Южноморск. Что ж, тем проще будет добираться. И скорость можно прибавить, чтобы сэкономить время в пути. Глядишь, пара-тройка свободных часиков и набегит. Тем более что в машине имеется радар-детектор, который непременно предупредит о возможной встрече с продавцами полосатых палочек.

Наверное, наблюдателю со стороны «альфа ромео» показалась бы сейчас героиней рекламного ролика, коими заполнены современные российские телеканалы. Да, клевая машинка – женщина Барда могла бы гордиться. Интересно, жена она ему или просто любовница? А впрочем, какая нам разница! Главное, определенно поддерживает в нем творческую энергию. Иначе бы Бард давно спился. Как многие...

А помочь мужику с его клипом не так уж и проблемно, нужные связи имеются, да и денег добудем. Все-таки Француз не зря лопает свой профессиональный хлеб.

Нетерпение в душе сменилось странной, давно забытой радостью. Как будто Максим вернулся в те годы, когда о личной машине еще и не мечталось, зато жизнь казалась прямой дорогой, без колдобин и ухабов. Он с улыбкой давил на педаль акселератора, совершенно не сдерживая себя, даже когда скорость слишком уж превышала разрешенную дорожными знаками на этом отрезке. И к радости приближающегося свидания с родным городом прибавлялась радость победы над скоростью. Да и погода этим чувствам совершенно не мешала.

Максим включил радио.

У неведомой хозяйки машины оно было настроено на какую-то местную радиостанцию, поскольку дикторша как раз рассказывала о вчерашнем концерте модной столичной группы «Бэдлам». Сообщение было окрашено в восторженные тона. Не забыла она упомянуть и о том, что световым оформлением «бэдламовских» концертов занимается уроженец Предгорного края Максим Коробов.

А потом дикторша с энтузиазмом напомнила, что к побережью приближается ураган и силы МЧС приведены в состояние повышенной готовности. Что южноморский аэропорт уже закрыт и что всем гражданам города лучше всего не находиться рядом с немолодыми деревьями и большими рекламными баннерами.

Настроения Максиму это сообщение не испортило. Все неприятности на сегодня закончились, впереди его ждала сплошная радость. Во всяком случае, думать ни о чем другом не хотелось...

Он открыл бардачок и обнаружил там несколько компакт-дисков. На секунду отрывая глаза от дороги, просмотрел, какой подарок ему на сей раз послала судьба.

И удивленно присвистнул. Похоже, баба у Барда кое в чем разбиралась. Сплошная классика рока. «Зепелины», «флойды», Хенсли, Маккартни... С такой девицей, наверное, и потрындеть есть о чем. Тогда старого приятеля вполне можно понять. Такие подруги жизни – абсолютная редкость в наше время! Большинство любят поговорить совсем о другом – если не о деньгах, то о трюках.

Он открыл коробочку с *Wild Life* и вставил диск в щель проигрывателя.

Через несколько мгновений салон машины заполнили звуки композиции *Mumbo*.

Уже много лет он любил водить машину именно под этот диск, музыка Маккартни наполняла его каким-то умиротворением. И никогда не возникало знакомое каждому водиле желание непременно совершить на дороге какую-нибудь глупость.

Ну да, лет пятнадцать назад подобное выглядело бы откровенным занудством, но мы давно уже не дети. И глупо было бы угодить в аварию, будучи за рулем чужой машины в нескольких тысячах километров от своей.

Далеко на горизонте появились горы.

Максим посмотрел на часы.

Всего-то без пяти одиннадцать.

Нормалек, если ничто не случится, он доберется до родного города уже часа через три, тьфу-тьфу-тьфу... А там будет еще целых полдня, многое можно успеть.

Лишь бы не помешал обещанный синоптиками шторм.

В отличие от многих людей, запросто удовлетворяющихся наличием смартфона в кармане, Максим любил обычные котлы, с браслетом, слегка оттягивающие руку.

Однако вид знакомого циферблата почему-то вызвал в душе раздражение. Как будто часы совершенно не монтировались с царившим в душе еще пару мгновений назад настроением. Как будто скачущая по кругу секундная стрелка намекала на сиюминутность умиротворения и непременные изменения к худшему.

Типа не раскатывай губу, Француз! Думаешь, поддался нахлынувшему минутному желанию, и судьба тебя простила? Не, старик, отдуваться тебе, отдуваться и отдуваться.

Максим приотпустил боковое стекло, снял котлы с руки и хотел было выбросить. Типа прощаемся с прошлой жизнью...

Однако передумал – часы стоили немалых денег. Нет, у него не «ролекс субмаринер», конечно: на эти кишка тонка – но вполне добротный «атлантик».

Такие нормальными людьми не выбрасываются.

Браслет и боковое стекло вернулись на свои места.

Впрочем, с былым умиротворением он попрощался точно – раздражение не уходило. Не помогла даже зазвучавшая в этот момент заглавная композиция диска.

И Максим выключил проигрыватель.

Природа словно ждала тишины, наступившей в салоне машины. Небо быстро начало сереть. Солнце, сиявшее на небе еще минуту назад, скрылось за стремительно набегающими тучами. А потом и вовсе пошел дождь, унылый, обложной, осенний. То ли предвестие надвигающегося шторма, то ли напоминание радующимся идиотам, что солнце не вечно.

Максим включил дворники и слегка отпустил педаль газа, сбрасывая скорость. Момент перемены погоды на шоссе самый опасный – это известно любому водиле со стажем.

Деревья лесополосы, тянущейся по бокам дороги, обрели грустный и какой-то нахохленный вид. Наверное, они тоже привыкли к солнцу, теплу и пыли.

Далеко впереди на правой обочине появилось какое-то пятно.

Странно, вроде бы секунду назад ничего там не было. Из канавы, что ли, выскочили, господа продавцы полосатых палочек? А машину припрятали. Вот только где?

Да и радар-детектор помалкивает в тряпочку.

Тем не менее Максим еще больше снизил скорость.

Может, останавливать не станут? Как ни крути, а время терять даже на проверку документов не хочется.

Однако вскоре опасения развеялись – на обочине торчали вовсе не гаишники. Два мужика надеялись на спасение от внезапной непогоды. Один – высокий, худой и сутулый, дру-

гой – толстый и круглый. Оба в черных костюмах, при галстуках, наверняка уже изрядно промокшие и явно голосующие без особой надежды.

Вообще-то, когда путешествуешь один, лучше случайных попутчиков не брать. Тем более двоих мужиков на пустой дороге. Каждый водила со стажем это прекрасно знает. Осторожность еще никому не вредила.

И тем не менее он, как часто бывало, пошел наперекор здравой мысли. В конце концов, не ночь на дворе. А люди мокнут.

Еще больше снизив скорость, он остановил машину рядом с мужиками.

Худой подошел к правой задней двери и дернул за ручку. Тщетно: все еще сомневающийся Максим пока не разблокировал замок – последний оплот обороны своей крепости.

Тогда мужик постучал по крыше костяшками пальцев. Звук показался Максиму неожиданно гулким и громким. Как будто кто-то ломится в ворота большого металлического ангара.

Ладно, сказав «а», надо говорить «б». Раз уж остановился. Не трогаться же теперь с места...

Максим соорудил на физиономии извиняющееся выражение и разблокировал замки.

Худой обошел машину и, не произнеся ни слова, сел на заднее сиденье слева; толстый устроился справа.

Максим вдруг успокоился.

Кабы планировали напасть, один бы наверняка занял переднее пассажирское сиденье, готовый в случае необходимости схватиться за руль и выдернуть ключ зажигания...

Что-то ты, Француз, похоже, страхом от Зямы заразился, с его боязнью взлетов и посадок.

Он глянул в зеркало заднего вида.

Оба неожиданных пассажира сидели с самым мрачным выражением на физиономиях и молча смотрели прямо перед собой.

На похороны, что ли, едут?

Ладно, бог не выдаст – свинья не съест.

Он тронул машину и набрал скорость. Снова покосился в зеркало.

Типы по-прежнему непроницаемо смотрели прямо перед собой. Их явно не интересовали ни окрестности, ни удачно подвернувшийся спаситель от непогоды. Более того, Максим был готов дать голову на отсечение, что их и дорога впереди совершенно не интересовала. Смотрят будто в никуда...

Прошла еще пара минут, и он снова бросил взгляд в зеркало.

На заднем сиденье ничего не изменилось.

– Согрелись, мужики? – благожелательно спросил Максим, потому что молчать дальше становилось невыносимо.

Ответа не последовало.

– Я не поинтересовался, извините... Вам, вообще, куда надо-то? В Южноморск? Или по дороге какое-нибудь место? Имейте в виду, я никуда не сворачиваю.

Попутчики по-прежнему молчали.

Что еще за хрены с бугра? Впрочем, на бандитов все-таки непохожи. У тех хоть один из двоих уж всяко заговорил бы – либо временно успокаивая будущую жертву, либо, наоборот, угрожая скорой и неизбежной расправой, если не станешь слушаться.

Что-то еще цепляло внимание, какая-то соринка в глазу, но Максим никак не мог сообщить, что именно.

– Вы не очень-то разговорчивы, мужики. – Он не удержался, и в голос проникло раздражение.

Попутчики не отреагировали и на это. Все им было до лампочки.

Вот козлы, и бабушка ваша козлиха! Ладно, я вас вылечу от молчания.

Он опустил стекло водительской двери. Щас на вас сквознячком дунет – всяко зашевелитесь...

В шум двигателя и шорох шин по асфальту вторгся какой-то посторонний звук. Этаким быстро нарастающий треск...

Максим бросил взгляд в левое зеркало и все понял. Сзади машину стремительно нагонял фундаментальный, размерами смахивающий на легкий танк мотоцикл.

Это еще откуда такая чуда-юда?.. Скорее всего, Harley-Davidson. А уж наворочен, так наворочен. Движущаяся рекламная тумба, а не мотик! Весь в наклейках, с мощными звуковыми колонками. За рулем – здоровенный байкер, из-под шлема лохмы во все стороны, в черной коже, крестах и черепах, еще и украшенный блестящей металлической цепью.

Когда он пронёсся мимо, в салон «альфа ромео» на короткий миг ворвались звуки жесткого трэш-метала.

Явно *Megadeth*. Явно *Dystopia*.

«Бэдламовцы» иногда исполняли в конце вечера на бис эту композицию, доводя благодарную публику до стопроцентного экстаза. И только своевременное вмешательство ментов сохраняло ряды кресел в зале целыми и невредимыми...

На владельца обгоняемой машины байкер даже не глянул.

Впрочем, за громадными, в пол-лица, и тоже разукрашенными очками хрен разберешь. Во всяком случае, на дождь он определенно не обращал ни малейшего внимания, стремительно уносясь вперед. Из гипертюнинговых глушителей мотоцикла вырывались хвосты оранжевого пламени. Судя по всему, глушители играли исключительно дизайнерскую роль, ничего на самом деле не глуша.

Тоже мне, рыцарь на мотодраконе. «Долетаисся!» Некоторые и на тридцатке в час умудряются в кювете оказаться. Хотя сейчас, конечно, не зима.

Максим добавил скорости, будто собирался погоняться с «харлеем», но тот уже через несколько мгновений был далеко впереди. А потом и вовсе скрылся за поворотом.

Впереди среди серой мути начало проявляться нечто фундаментальное. Скорее всего, предгорье.

Максим вновь обратил свое внимание на попутчиков.

Сквозняк из приоткрытого окна был им явно по барабану.

Типа не сахарные, не растают...

Максим вернул стекло в закрытое положение.

– Я бы сказал, мужики... вы не очень-то вежливы! Могли бы и поговорить. Все-таки я вас подобрал. Выручил, можно сказать. Не дал умереть под дождем...

Попутчики неожиданно ожили, переглянулись между собой и коротко улыбнулись. Они смотрели на Максима как на младенца и явно не пытались скрывать от него это свое отношение.

– Что? – Максим снова не смог справиться с раздражением. – Что смешного? Да! Выручил! Вы уже промокли как цуцки. Если бы я вас не подхватил, так и стояли бы под дождем. Байкер-то вас всяко бы не посадил, а других машин на дороге сегодня практически нет, шторм надвигается. Короче, подхватили бы вы пневмонию и копыта отбросили.

Толстый снова улыбнулся и сказал:

– Смешной мужик! Очень смешной!

Голос его прозвучал негромко, но Максим за звуком двигателя расслышал.

Тощий кивнул, соглашаясь с товарищем:

– Смешной...

– И что во мне смешного? – сердито повторил Максим, уже не скрывая родившейся неприязни и глядя в зеркало на смеющихся попутчиков.

И тут тощий, перестав смеяться, сказал сурово:

– Смотри на дорогу. Очень тебя прошу, аккуратнее. Скользко!

Голос его тоже был негромок, но Максим услышал.

Он вновь обратил внимание на шоссе. И вовремя – едва успел вписаться в поворот, за которым скрылся обладатель музыкального мотоцикла.

А за поворотом открылся въезд в тоннель. Въезд был украшен огромным граффити – как будто дорога ныряет в пасть громадного огнедышащего дракона.

Не давешний ли «харлей» превратился в это чудовище?

Мелькнувшая мысль была глупее некуда.

Кстати, в давние времена никаких тоннелей здесь вроде бы не водилось. Просто объезжали предгорье, делая крюк километров в пятьдесят. Видно, спрямили дорогу. Многое все-таки изменилось в родных местах.

А тощий, между прочим, прав – скорость надо снизить. В такую погоду и сам элементарно «долетайся»!

Он легонечко прижал педаль тормоза, сбавляя энергичную прыть машины. А еще через мгновение заметил в глубине тоннеля какое-то непонятное мерцание.

Это еще что за хрень? Байкер давно уже должен был умчаться.

Попутчики на заднем сиденье теперь привычно молчали. Максим коротко глянул в зеркало и обнаружил, что они опять бесстрастно смотрят прямо перед собой.

Типа пообщались, снизошли, теперь пора водиле и честь знать...

«Альфа ромео» въехала в тоннель и неторопливо покатила вперед.

Через несколько секунд стало ясно, что именно впереди мерцает. Явно мигалка полицейской машины.

А еще через несколько секунд стало ясно, что она в тоннеле забыла.

Почти у самого выезда на асфальте валялись останки давешнего мотоцикла. Судя по всему, он на огромной скорости врезался в бетонную колонну, разделяющую полосы, и превратился в груды дымящегося металла. Тут же, чуть поодаль, лежал ничком байкер в покореженном шлеме. Возле шлема уже натекла лужа крови. Рядом стояла машина с надписью «ДПС».

Вот и долетался любитель трэш-метала. Недалеко улетел, однако! И хорошо, что, судя по всему, с собой в компанию никого не прихватил.

Возле машины торчала фигура одинокого патрульного. Тот махнул рукой Максиму: проезжай, мол, мимо, не задерживайся.

Задерживаться и вправду было совершенно незачем – с погибшими хрустами любой водила хоть раз в жизни да встречался. Ничего приятного в картинке нет, хорошо хоть, мозги, судя по всему, остались внутри черепной коробки...

И Максим собрался было увеличить скорость.

Но тут тощий пассажир положил ему на плечо тяжеленную руку и требовательно бросил: – Мы приехали.

Ну, приехали – так приехали. Не хватало еще голову ломать, что им надо на месте аварии. Мент, надо полагать, разберется. Хоть он и один.

Максим остановил машину. Попутчики вышли. Никто из них не сделал попытки расплатиться.

Полицейский тут же возмущенно замахал полосатой палочкой, и Максим, повинуясь, рванул машину с места. Удивленно глянул в зеркало заднего вида.

В зеркале было прекрасно видно, как тощий и толстый уверенной походкой, деловито топают напрямик к жмурику, мимо дэпээсника, который смотрит вслед уезжающей иномарке. Наверное, удивляется, что парочка в черных костюмах приехала к месту аварии не на служебной машине.

А потом Максим сообразил, что именно показалось ему странным в попутчиках, когда они садились в «альфа ромео». Они вовсе не промокли, ожидая на обочине, потому что костюмы у них явно были абсолютно сухими.

* * *

Снова уносились назад деревья лесополосы. Тоннель был далеко. Позади уже остались и кусок горной дороги, и перевал. А впереди ждали родной город, родной пляж и родное море.

Дождь не прекращался, и дворники ритмично слизывали с ветрового стекла то и дело закрывающую вид влагу. Но, на взгляд Максима, отмена рейсовых автобусов от краевого центра до Южноморска явно выглядела излишней. Проехать было можно.

Работнички хреновы! Побоялись брать на себя ответственность, а люди майся на вокзале да в гостиницах. Вот всегда у нас так! Подвесить бы перестраховщика за известное место!

Максим всячески старался не думать о том, что случилось перед тоннелем и в самом тоннеле. Странные типы в ненамокающих костюмах могли быть только полицейскими – поведение дорожного мента, не удивившегося их появлению, говорило об этом недвусмысленно.

А может, он, Максим, на мгновение уснул за рулем, и все случившееся приснилось?

Не удержавшись, он ущипнул себя двумя пальцами правой руки за запястье левой, возле браслета с котлами.

Черт, больно!

Ну, по крайней мере, сейчас он точно не спит. И остановимся пока на этом выводе. Дабы не ломать голову над всякими глупостями.

И вообще сейчас самое лучшее – взять и позвонить Лене. Пусть знает, что сегодня нужно ждать гостя. Пусть и незваного...

С правой стороны дороги мелькнуло раздвоенное в виде буквы V дерево.

Максим достал из кармана смартфон и принялся отыскивать нужную строчку в «контактах».

Хорошо, что Лена когда-то позвонила ему. Разговор, правда, получился крайне неприятным, зато Максим узнал ее нынешний номер и сохранил его. Хотя и не звонил никогда. И даже в записную книжку не внес. Ну, потеряется и потеряется. Значит, судьба такая. Но номер не потерялся при многочисленных переменах гаджетов. Значит, тоже судьба.

Он сбавил скорость и нажал кнопку вызова.

Слава богу, прозвучал нормальный гудок, а не равнодушная фраза «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Алло, – почти сразу ответил мягкий женский голос.

Вот только Ленин ли это голос, Максим понятия не имел. Обнаружилось, что он его попросту не помнит. Может, к примеру, оказаться и дочка. Если у нее вообще есть дочка... Хотя обычно все-таки по мобильнику отвечают его хозяева...

– Это я, – сказал он, потому что надо было что-то сказать. И замолчал.

Молчали и в трубке. Пауза затягивалась.

– Не ожидала? – бодро спросил Максим, потому что надо было хоть что-то спросить.

– Не ожидала, – отозвался эхом мягкий женский голос.

Уверенности, что это она, по-прежнему не возникало. Может, ошибся номером?

– А я вот тут, почти в Южноморске... Проездом. Гастроли у нас. Дай, думаю, заеду домой. Типа сюрприз знакомым изображу. Столько лет, столько зим. Штормовое предупреждение объявили, наши в Предгорице остались, а я вот рванул сюда. У Барда машину взял и рванул... Все, я смотрю... изменилось. – Он чувствовал, что говорит совершенно не то. И наконец сказал то: – Хочешь, увидимся?

В трубке снова родилась тишина, принялась разрастаться, набухать, заполняя собой весь мир вокруг...

И Максим не выдержал этого безмолвия, судорожно нажал кнопку отбоя, сказав сам себе: – Чушь! В самом деле, какая чушь, в рот мне компот!

Мотающиеся дворники прошлись по ветровому стеклу с легким скрежетом. Оказывалось, дождя за бортом уже нет. И даже солнце вновь светит, пробившись сквозь исчезающие облака.

На правой обочине торчало еще одно раздвоенное в виде буквы V дерево. Или то же самое? Пролетело мимо и унеслось назад.

Дежавю какое-то...

Он вспомнил кошку, которую увидел на лестнице в старом доме хакер Нео, мистер Андерсон – тот самый, из фильма «Матрица».

Ну, коли де-жа-вю, будем соответствовать.

И Максим повторил вызов.

И снова прозвучал нормальный гудок, а не фраза «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

И вновь почти сразу ответил мягкий женский голос:

– Аллю.

Тот же или нет – не разберешь.

– Это я.

На сей раз никакой паузы не наступило – голос с немалым удивлением спросил:

– Кто – «я»? Кто это?

– Это Максим. Если помнишь такого.

Женщина на другом конце удивилась еще больше.

– Максим? Какой еще Максим? – И продолжила недовольно: – Хулиганство. Я на вас в милицию пожалуюсь.

Это было уже слишком. Так можно от неожиданности и с дороги соскочить, разбиться к чертовой матери.

Максим положил трубку на торпеду, съехал на обочину, остановился, выключил зажигание. В обрушившейся на него тишине стало слышно, как женщина раз за разом повторяет:

– Максим? Не помню. Какой Максим?.. Максим? Не помню. Какой Максим?.. Максим? Не помню. Какой Максим?..

Словно ему дают прослушать закольцованную звукозапись.

Проклятый гаджет! Ни раньше, ни позже глюканул. Но не выкидывать же его! Хотя и возникло такое желание...

Без котлов в наше время обойтись можно, а вот без связи...

А любые глюки рано или поздно прекращаются.

И Максим снова двинулся к родному городу.

* * *

В дороге больше ничего не произошло.

Разве что солнце продолжало светить с неба, снова и снова обвиняя господ метеорологов в перестраховке. Но с этим в любом случае ничего не поделаешь.

Родной город оказался абсолютно непохож на самого себя. Родной город оказался совершенно узнаваем...

На окраине, где закончилось шоссе «Предгорица – Южноморск», вместо широко распространенных когда-то деревянных халуп с серыми шиферными крышами стояли теперь аккуратные симпатичные особнячки, обшитые сайдингом и крытые разноцветным ондулином и

металлочерепицей. Некоторые даже о трех этажах! С евроостеклением. За высокими глухими кирпичными заборами, украшенными по верхней кромке колючкой. Наверное, хозяевам их было что скрывать, а не чем хвастать. На таких дачных участках без проблем можно скрыть даже небольших размеров кладбище...

Ближе к центру пошли здания знакомые, сохранившиеся со времен детства. Бывший городской универмаг номер один, в котором теперь размещался местный центральный офис Сбербанка. Дом культуры с зеленой металлической крышей и украшенными лепниной четырьмя колоннами перед центральным входом. Типа Большой театр провинциального разлива. Тут в стародавние времена Французу с товарищами доводилось выступать, когда все только начиналось. Только теперь вместо вывески «Дом культуры имени Шаумяна» красовалось «Центр культуры и досуга». Безо всяких имен. Здесь, скорее всего, «бэббл-бары» завтра и будут потрясать публику, зарабатывая детишкам на молочишко. Вернее, себе – на вискарик и пивасик...

Ага, вон, кстати, и рекламная афиша с патлатой физиономией Вовца.

Старое здание горкома партии, правда, не сохранилось, вместо него стоял какой-то четырехэтажный параллелепипед с двумя башенками на фасадных углах. Можно было подумать, что тут какое-нибудь учебное заведение, но оказалась городская администрация.

Набережная и вовсе мало изменилась. Тот же галечный пляж между тротуаром и водой. То же солнце на небе. То же море – хотя и не сияющее, зеленое, пронзительное, каким оно бывает летом. Нет, серое, с белыми барашками. Но видывали мы его в своей жизни и таким. И в таком виде оно нам нравилось больше, поскольку позволяло кататься на его холодном горбу.

Максим припарковал машину к тротуару и выбрался из салона.

В лицо ему ударил сильный ветер. Настойчиво и неумолимо.

Похоже, блудному сыну тут не рады. Будто требуют сначала замоливать грехи. По крайней мере, море определенно чего-то требует.

Возможно, обещанный шторм просто задерживается и все-таки к вечеру навалится на город.

Далеко впереди была видна ажурная металлическая конструкция на высоких опорах, которой во времена детства не было.

Если память не изменяет, там в берег врзается длинный и довольно узкий залив, а по другую его сторону располагается поселок Прибрежное. Еще при советской власти существовал проект – перекинуть через залив мост, чтобы изрядно сократить путь от Южноморска до этого поселка. Прямая срезка всегда короче объездного пути.

Видимо, теперь этот проект наконец реализовали.

Максим спустился по ступенькам бетонной лестницы на пляж, прошелся по гальке. Ноги ее узнали – даже сквозь подошвы кроссовок.

Пляж был пуст. Только метрах в двухстах по направлению к новому мосту, едва различимая, виднелась фигура человека в белом костюме, сидящего у кромки воды на раскладном дачном стульчике. Лица его отсюда было не разглядеть.

Поначалу Максиму показалось, что человек ему знаком, но, пройдя по гальке еще метров сто, он понял, что ошибся. Видимо, какой-то отпускник дышит свежим воздухом.

Максим приблизился к линии прибоя. В лицо продолжал дуть ветер – море не узнавало бывшего серфера.

Поддавшись секундному порыву, бывший серфер шагнул в воду – прямо так, не снимая ни одежды, ни обуви – и двинулся вперед, пока вода не достигла колен. Набрал полные пригоршни и с удовольствием умылся.

Я же свой! Ты помнишь меня?

Ветер не стихал.

Впрочем, еще бы ему стихнуть в преддверии надвигающегося шторма. Так не бывает!

Максим вдруг сообразил, с чего ему нужно начать свидание с родным городом. Точнее, конечно, не с городом. Но все равно – свидание... Начать надо именно с Нашего Места, не откладывая! Любой другой поступок – позже.

Он повернулся к морю спиной, вышел на берег. Присел на ступеньку лестницы и вылил из кроссовок воду. Серферу, даже бывшему, сырость одежды и обуви – не помеха. Будем считать, что отдали хоть какую-то дань памяти.

Главное, он теперь знает, что нужно сделать в первую очередь. То ли море подсказало, то ли сам догадался...

И, может, на Нашем Месте он тоже догадается. Или оно подскажет.

* * *

Магазин, где продавали дачный инвентарь, нашелся быстро. Покупателей в нем не было совершенно – не тот сезон.

Максим обзавелся необходимой посудой и комплектом из складного столика и двух стульев, погрузил приобретенное в багажник «альфы ромео».

Возможно, завтра он устроит реальное свидание, на котором будут уже двое, но сегодня надо непременно провести репетицию. Таким путем наверняка удастся разобраться, что же творится в душе.

Второй необходимый магазин также не пришлось искать долго. Такого добра в наше время – на каждом углу. За что боролись, на то и напоролись.

Положить в металлическую корзинку две бутылки шампанского, коробку конфет и апельсины и вовсе заняло пару минут. Покупатели и молоденькая блондинистая кассирша с любопытством разглядывали его мокрые джинсы. Когда он оказался возле кассового аппарата, блондинка вдруг широко улыбнулась, и в этой улыбке не было ничего от приветливости, дежурно адресованной каждому клиенту.

– Дядя Максим, здрасте, – сказала блондинка. – Вы не помните меня? Я – Тоня.

Максим внимательно глянул на нее, но в памяти ничего не отозвалось. Мало ли было в его жизни таких вот улыбающихся Тонь!.. Пришлось изобразить на физиономии честную приветливость вежливого человека, которая хотя бы отчасти смахивала на узнавание.

– Тонечка Крылова, не помните? – продолжала кассирша. – Дочка Вадика Крылова. Вы с моим папой дружили. Вспомнили?

– Да, да! Конечно, – охотно закивал Максим, хотя названная девицей фамилия ему ничего не говорила. Но не признаваться же в проблеме с памятью. – Как время-то летит! Просто не узнать!

Кассирша заулыбалась еще шире:

– А вы в Москве живете, да?.. Ну как там столичная жизнь?

– Прекрасно. В основном... – Максим поставил корзинку на стойку перед кассой. И зачем-то добавил: – Проходит без меня.

Тонечка принялась пробивать покупки, перекладывая их в другую корзинку. Руки ее так и летали. А глаза светились радостью.

– Папа говорил, вы с популярными звездами работаете! Какой же вы счастливый, дядя Максим! А вы Пугачеву видели?

«Да, я счастливый, – подумал Максим. – До полной невозможности».

– Видел, конечно... Как тебя.

– Ой, а правда, что у нее лицо не совсем свое?

Вот они, извечные провинциальные сплетни. Небось, и про него нечто подобное рассказывают. К примеру, что он давно носит на лысине парик...

– Свое, свое, – сказал он с надлежащей уверенностью. И решил сменить тему: – Ну а папа твой, Славик. С которым я дружил... Как у него дела? Все такой же... – он с трудом подобрал слово, – ...веселый?

Улыбка на личике Тони застыла, а потом медленно угасла, сменяясь откровенным разочарованием.

– Папу зовут Вадик... У вас банковская карта?

– Да, карта. Извини, пожалуйста!

Максим быстро расплатился, переложил покупки в пакет с рекламой южноморских здравниц и, не поднимая глаз на окружающих, ринулся к выходу из магазина.

Ему было нестерпимо стыдно.

Слава богу, хоть краска лицо не залила!

* * *

Солнце светило и в горах.

«Альфа ромео», взрыкивая двигателем на наиболее крутых участках, уверенно взбиралась по серпантину, с каждой минутой приближая Максима к Нашему Месту. Он уверенно вписывал машину в многочисленные повороты горной дороги. Ни попутных, ни встречных машин не наблюдалось, поскольку впереди был тупик – дорога упиралась в альпинистскую базу, куда посторонних не пускали, и последние по ней попросту не катались.

Максим уже почти забыл о собственном позорном бегстве из продуктового магазина. Потому что помнить об этом – попросту портить настроение. А оно совершенно ни к чему.

В душе жили предвкушение и – опять почему-то – надежда. Сейчас он – опять же почему-то – верил, что поездка к Нашему Месту непременно изменит ближайшее будущее. И завтра совсем будет непохоже на сегодня. Серое, неуверенное ожидание неведомо чего навсегда уйдет. А взамен явится нечто светлое, радостное, давным-давно позабытое, способное направить устоявшуюся жизнь в другое русло; где не станет бесконечного недовольства собой, того самого чувства, о существовании которого не знают друзья и соратники, но о котором прекрасно ведает сам человек. Как будто, сам того не желая, обманывает всех окружающих...

Нет в человеческих чувствах ничего лучше надежды. Будь то ожидание, пока мимо тебя, сидящего на берегу реки, проплывет труп твоего врага; будь то безудержная жажда мирской славы и зрительских аплодисментов. Все мы – прима-балерины, даже если никто не ждет нас на этом празднике жизни. Такова человеческая натура, и ничего с нею не поделаешь. Хоть лопни от натуги...

Машина уверенно преодолела последний кривой подъем, и вот оно, знакомое с молодости местечко – главная цель неожиданно предпринятого путешествия. А может, и совершенно ожидаемого. Может, в подсознании оно жило давным-давно, вместе с недовольством и надеждой, и периодически снилось по ночам, просто ты, еще даже не проснувшись, забывал подобные путешествия. Потому что они могли подвигнуть тебя на непредсказуемые, никому из друзей и знакомых не нужные поступки, способные привести только к конфликтам и всеобщему недовольству друг другом. В общем, к тому, что нормальные взрослые люди стараются себе не позволять. А если позволяют, то не удивляются потом отзывам типа «совсем крыша прохудилась...»

Максим съехал с серпантина, аккуратно припарковался на знакомой крошечной площадке, заглушил двигатель и вылез из машины.

Как и много лет назад, от здешнего пейзажа захватило дух, но на сей раз некому было сказать ему: «Какая красота, Максимушка!»

Он постоял немного, благодушно разглядывая соседние, уже прикрытые снежными шапками вершины и вдыхая полной грудью давно забытую свежесть, с которой никогда не встретишься на городских загазованных автомобильными выхлопами улицах.

Потом открыл багажник, достал купленный столик, перенес через дорогу, где рядом с пропастью располагался еще один пятачок земли – тут даже трава росла, правда, сейчас уже совершенно пожелтевшая и жухлая. Разложил столик, едва ли не заняв весь пятачок. Однако нашлось тут местечко и для пары раскладных стульчиков. А потом занялся нехитрой сервировкой.

Если бы его спросили, зачем он мается этой хреню, он бы не дал никакого внятного ответа. Но внутри себя знал – надо. Необходимо, и в первую очередь ему, потому что никого тут больше не было и быть не могло. Разве что какая-нибудь шальная альпинистская компания притащилась бы. Посторонние не ездят, но свято место никогда пусто не бывает. Еще один закон жизни...

Расставил на столе бутылки с шампанским, фужеры, нехитрый закусон, состоящий из конфет и апельсинов.

Потом поменял получившуюся расстановку. Раз, второй, третий... И наконец остался доволен достигнутым результатом.

Солнце уже почти касалось соседней горы.

Надо торопиться, а то скоро на площадку падет тень и разрушит всю праздничность. А возвращаться придется и вовсе в темноте.

* * *

Максим и Лена сидели, не глядя друг на друга. Как будто окружающие горы были для них намного важнее.

Впрочем, глядеть на гостью и не требовалось. Второй стульчик заняла та самая девушка, юная, худенькая и большеглазая, ничуть не изменившаяся с тех пор, когда они здесь побывали в последний раз. И в том самом платье, розовом, с белыми рюшами...

На столе красовалась откупоренная бутылка шампанского, рядом – два наполненных фужера, открытая коробка конфет и нарезанные на дольки апельсины на одноразовой тарелке.

Максим взял в руку один из фужеров.

– Ну, с днем рождения! – Он с улыбкой поднял посудину, даже не повернув головы в сторону именинницы.

– Спасибо, Максимушка! А когда он у меня? – улыбнулась в ответ Лена, также глядя куда-то вдаль, где не было ничего, кроме пока еще чистого неба.

– Э-э-э... – Максим вдруг понял, что, когда у Лены день рождения, он напрочь не помнит.

Почесал затылок, но это не помогло. Память не возвращалась. Зато в груди родился растерянный и виноватый смех.

Лена, по-прежнему не поворачивая головы, тоже рассмеялась.

Некоторое время они продолжали хихикать, словно не могли справиться с собой. Потом замолкли.

– Вот видишь, – сказал Максим, делая глоток шампанского. – Я обещал, и вот. Я на Нашем Месте.

Лена тоже приложила к фужеру:

– Я не приду, Максимушка. Я там много лет не была. А ты молодец. Хотя и забыл.

– Что забыл? День твоего рождения? Ну... не сердись, что ты, правда, ты же никогда это не любила: свечки, торты, пожелания здоровья и счастья в личной жизни, всю эту чушь...

– Ты забыл, что я есть, – сказала Лена, все еще глядя в небо. – Я могу ждать долго, но...

– Но не так долго? – с обидой спросил Максим. – Это ты хочешь сказать?

Он наконец глянул на нее. И чуть не свалился в пропасть: на месте Лены сидела крашенная баба лет сорока, с морщинами вокруг глаз и уже поплывшей в талии фигурой.

– Ты заметил? Мы до сих пор не умерли. Друг без друга. – Лена повернула голову и глянула Максиму прямо в глаза. – Почему?

И у него не нашлось ответа на этот вопрос.

* * *

Максим по-прежнему стоял у накрытого стола на краю пропасти, а через дорогу ждала его возвращения огненная «альфа ромео». За столом никого не было. Бутылки с шампанским не открывались, упаковка на коробке конфет была не повреждена, апельсины сохраняли девственную целостность.

Максим стоял, размышляя: то ли у него реально поехала крыша, то ли ее слегка сдвинул свежий горный воздух.

Скорее, наверное, все-таки второе, коли больше за столом по-прежнему никого не наблюдалось.

Ну и неудивительно – после стольких-то лет жизни в напроць прокуренной атмосфере кабаков, оркестровок и курилок!

И тем не менее неожиданный удар гор он выдержал.

– А вот хрен вам! – заорал он, сам не зная кому, но будучи уверенным, что его слышат. – Не дождетесь!

Он бы не удивился, кабы где-то от его крика сорвалась со склона лавина и неудержимо понеслась вниз, все снося на своем пути. Но заснеженные вершины все так же безмятежно сияли, не обращая ни малейшего внимания на незваного гостя, без спроса проникшего в их безмолвное царство.

– Не дождетесь! – снова крикнул он. И одним резким ударом ноги сбросил праздничный стол в пропасть.

Мгновением позже следом отправились и стульчики.

Да, это все пустота и тишина виноваты! Для городского жителя горы – самый настоящий наркотик, тут еще и не такое привидится. Кислородное голодание, то-се... Хотя какое может быть кислородное голодание на такой высоте?

Он поскреб затылок.

А может, именно за «тем-сем» и лазают наверх альпинисты? Ловят глюки, как от выкуренной травки. И никогда никому не рассказывают, кого увидели и что почувствовали во время своих восхождений...

Во всем виноваты горы и только они.

Что ж, значит, спасение – внизу, среди городских зданий, в привычных местах, расположенных на высоте моря!

Максим прыгнул в машину, включил зажигание. Шум двигателя слегка привел его в себя. Но против здешней тишины этого слишком мало.

Где там у нас сэр Пол с его «Дикой жизнью»?

Сидюшник обнаружился в проигрывателе. Пришлось заставить его выползти из приемника и снова воткнуть. Зазвучавшая музыка стала истинным спасением.

Максим аккуратно развернул машину на узеньком пяточке и покатыл по серпантину назад, в родной Южноморск...

Солнце все еще не ушло за соседнюю гору, и спускаться было вполне комфортно. Тем не менее Максим перестраховывался и постоянно притормаживал – лечиться адрепалином в такой ситуации глупо. Долечишься до гробовой доски в пылающей машине!

Наверное, именно поэтому он и успел затормозить, заметив какое-то движение слева и выше. В горах ведь часто бывают не только лавины, но и камнепады.

Однако это были вовсе не камни. Спусти мгновение там, где через это же самое мгновение должна была оказаться «альфа ромео», пролетел стол. Тот самый, пластмассовый, складной, который совсем недавно был отправлен Максимом в пропасть.

Как будто кто-то неведомый придержал его где-то на почти отвесном горном склоне, а потом в нужный, заранее определенный момент отпустил с безумным расчетом поразить движущуюся по серпантину машину. Типа отбомбометался мебелью самолет...

Похоже, горы повторно набросились на свою жертву, опять сдвигая ей мозги.

Можно, конечно, подышать у выхлопной трубы – как в известном анекдоте. А можно попытаться столкнуться со столом на следующем витке и окончательно убедиться, что он существует только в воображении.

И тем не менее Максим снизил скорость еще больше. Глюки непривыкшего организма могут оказаться крайне опасными, а водительских инстинктов никто не отменял. Отвернешься в сторону даже от воображаемого препятствия – и миг окажешься в бездне.

Он не ошибся в предположениях – после крутого разворота на сто восемьдесят градусов пластмассовая бомба вновь попыталась поразить машину. И вновь тщетно.

То же самое произошло на третьем витке.

Он уже был готов к тому, что воображаемая схватка на виражах продлится до самого спуска к Южноморску, однако, судя по отсутствию последующих атак, боезапасы у неведомого противника закончились, и до города удалось добраться без потерь.

Горный воздух оставил мозги Максима в покое.

* * *

Поскольку горы остались за спиной и Южноморск с запада теперь ничто не закрывало, внизу все еще светило солнце.

Обещанный шторм то ли остановился на подходе к побережью, то ли неожиданно свернул куда-то в сторону. Как бы то ни было, авиа- и автобусные рейсы были отменены совершенно зря. «Бэдламовцы» вполне успели бы добраться до цели и сейчас вовсю готовились бы к вечернему концерту. Но он, Максим, наверняка не смотался бы в Наше Место. А посему на метеорологов абсолютно не обижался.

Он хотел сначала заехать в гостиницу, где Платон забронировал места, но сюда можно было заселиться и ближе к ночи. Его-то место наверняка сохранят. А экскурсию по местам детства и юности прерывать не стоило. Пока есть пыл, нужно пользоваться его энергией.

И он отправился туда, где провел первую половину своей жизни.

В ближайших к родительскому дому кварталах, в общем-то, мало что изменилось, и потому даже не пришлось расспрашивать местных, как добраться до нужного адреса...

Он загнал машину в родной двор, припарковался под окнами своей квартиры и выбрался из салона.

Во дворе почему-то было необычайно пусто. Не играла в песочнице в дальнем углу малышня – будто за двадцать лет никто больше не родился; не сидели на скамеечке возле подъезда бабушки, перемывая косточки молодежи и нынешней власти – словно все давным-давно поумирали; не отдыхали набегавшиеся за день автомобили, принадлежавшие обитателям родного дома.

Однако тишины тоже не наблюдалось. Со всех сторон на него вдруг обрушились давно забытые, но очень знакомые звуки.

От пустой песочницы донеслись детские восторженные крики и визги, а от скамейки – ворчливые голоса пенсионерок, из открытого окна на первом этаже, где жили дядя Вася с тетей

Полей, прилетели мужской матерок и женский призывный смех. Где-то в противоположном углу двора Сергей Скачков с прочими «Землянами» с надрывом рассказывали о том, что им снится не рокот космодрома, а зеле-о-оная, зеле-о-оная трава. За спиной то и дело раздавался ритмичный скрип давно уже не существующих качелей.

На сей раз Максим уже совершенно не взволновался.

Судя по всему, рецидив недавней горной болезни.

Эх, все-таки не мешало бы бросить курить! Но как – с таким-то профессиональным окружением? К Герычу придешь – хоть топор вешай!

Домофона возле двери не было, а петли скрипнули очень знакомо.

Максим поднялся на родную лестничную площадку на третьем этаже и вытащил из кармана рюкзака старинную связку ключей. Он давно уже забыл, какой из них открывает родительскую квартиру, но третий по счету вписался в замочную скважину.

Три оборота, нажать на ручку.

Дверь квартиры открылась совершенно бесшумно – судя по всему, тетя Зина постоянно смазывала петли. Максим вошел в прихожую, осторожно и неслышно ступил на придверный мягкий коврик. Будто вор, стремящийся скрыть от обитателей квартиры свое появление...

Нашупал выключатель слева от двери, щелкнул. Однако свет не загорелся. Так однажды бывало в детстве – они всей семьей уехали на экскурсию в Москву, и отец зачем-то чуть выкрутил лампочку в прихожей. Зачем – он не объяснил, а Максим и не спрашивал. В детстве поступки родителей воспринимаешь как само собой разумеющиеся. Даже те, что через годы оказываются совершенно глупыми...

Пришлось выдвинуть в центр прихожей стоящую возле стены табуретку, на которую мать обычно ставила сумку с принесенными из магазина продуктами, перед тем как снять обувь.

Забрался на табуретку и повернул стеклянный шарик под абажуром по часовой стрелке.

И свет вспыхнул.

В общем-то, за все эти годы ничто тут не изменилось. Давно выцветшие обои, рисунок которых так занимал когда-то маленького Максимку. Типа всадники скачут на уродливых лошадях... Слева от двери, в углу – тумбочка, а чуть дальше – вешалка из мореного дуба, с крючками-рожками, на которых, правда, ничего не висит; справа, на стене, зеркало в потемневшей и потрескавшейся раме.

Нет, ну с мебелью все понятно. А обои тетя Зина могла бы и поменять...

Он подошел к зеркалу, глянул на себя, готовый увидеть капельки влаги на вспотевшем вдруг лбу.

Однако из зеркала на него смотрел двенадцатилетний мальчик, а рядом с ним – того же возраста Лена.

Максим и эту картину воспринял спокойно, уже ничему не удивляясь и ничего не пугаясь.

Он медленно пошел по квартире. Заглянул в ванную и крутанул туда-сюда краны. Вода была – и горячая, и холодная.

Нет, он неправ. Тетя Зина все-таки не зря ела свой хлеб. Жилье в полном порядке, а что касается обоев... Он же сам, договариваясь с ней, не велел ничего менять.

А еще он восхитился самим собой – за то, что не продал когда-то родительскую квартиру и не обменял на комнату в Москве, хотя со всех сторон ему твердили, что он полный придурок и зря выбрасывает на ветер деньги. Нет, братцы, все это совершенно не зря. Рано или поздно придет время отваливать на заслуженный отдых, так лучше отдыхать от трудов праведных здесь, а не в суетливой столице.

Как там было у Бродского?

Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря...

А родной город в наше время и есть глухая провинция.

Ну да, летом тут, конечно, не протолкнешься. Народ в гостиницах и на съемных углах, в кафешках, ресторанах и кинотеатрах, народ на пляже. Зато когда отпускной люд сваливает восвояси...

В общем, хватило когда-то житейской мудрости. Жаль, что ее не хватило на другое, не менее важное!

Он заглянул на кухню. Форточка закрыта, поэтому воздух несколько спертый. Зато посуда вся перемыта и расставлена на полках стройными рядами. Есть, конечно, пыль на не застеленном скатертью столе, но совсем немного.

Открыл холодильник. Выключен и при полном отсутствии продуктов. Ничто не сгниет и не завоняет. И газовая труба перекрыта.

Он вернулся в коридор, двинулся дальше, узнавая и не узнавая.

Всюду было пусто, тихо, торжественно и чисто, как в музее.

Музей-квартира Максимки-Француза, мать его перемать! Мог бы музей и случиться, кабы из этого Француза получилось что-то более стоящее.

Существует же, в конце концов, музей Цоя в Питере, пресловутая котельная «Камчатка», в которой помимо самого Виктора бывали такие зубры, как Юрий Шевчук и Борис Гребенщиков.

Впрочем, не хрен в минор бросаться. Все равно ничего уже не поменяешь. Жизнь заново не проживешь, не дает Господь такой возможности. Черников не бывает, как бы вам ни мнилось, живем сразу на чистовик...

Он нашел на связке еще один ключ и открыл дверь слева, единственную, что закрывалась на замок.

А вот и его комната, родное гнездо детства, которое в первые годы жизни приходилось делить с дедом, а в юности – без деда.

Тут вообще ничего не изменилось – эта комната не сдавалась.

Вот он, типа музей.

На комод – катушечный магнитофон. «Орбита-204 стерео». Второй класс, не супер-пупер. И не забугорный, нашенский. Зато куплен на первые лично заработанные деньги. С этого все и начиналось.

На стенах над комодом и раскладным диваном – любимые постеры, правда, уже изрядно выгоревшие.

Шагающие по пешеходному переходу через Монастырскую дорогу лохматые Леннон, Стар, Маккартни и Хариссон... Плант и Пейдж начала семидесятых... Карлос Сантана... Сюзи Кватро в черном комбинезончике...

Немалый кусок жизни юнца, которого к тому времени уже звали Французом. Предмет его особой гордости, то, чем было совершенно не стыдно похвастаться...

А вот коллекция винила на изготовленной собственными руками подставке. Фанера-десятка, отшлифованная и покрытая красным лаком, натянутая рядами рыболовная леска. Как он тогда выпендривался с самоделкой!..

Да и приятели согласились, что клешни у него не из задницы растут. Тот же Курт не раз говорил...

А потом своими руками Француз изготовил и Сюзи, потому что купить в те годы подобную штуку было попросту невозможно...

Максим принялся перебирать пластинки.

Всемирно известная битловская «Эбби роуд» с той же шагающей ливерпульской четверкой... Зепеллиновский двойник *Physical Graffiti* с полюбившимся на всю жизнь «Кашмир»... А вот и венгерская «Омега». Их «Девушка с серебряными волосами», от которой у всех сладко сжималось сердце... *ELO*... «Посмотри на себя» от *Uriah Heep* в конверте с прямоугольником из зеркальной фольги, в которой можно разглядеть физиономию смотрящего...

Сколько средств в свое время было вбухано в эту коллекцию! Как-то удалось целое лето проработать в пункте приема стеклотары – знакомый мужик-приемщик временно обезножил и попросил подменить его до выздоровления. Долю из заработанного, конечно, приходилось отдавать ему, но все равно денег оказалось – куры не клюют. Большая часть коллекции была приобретена именно в тот год. И пацаны завидовали вчерную, и девчонки изо всех сил стремились понравиться...

А сколько раз удавалось уйти от ментов, когда фарцевал! Просто везло, честно говоря. Может, потому и не повезло много позже?

А может, потому, что он не стал продавать винил перед отъездом, хотя желавших приобрести коллекцию было в достатке. Сейчас уже и не вспомнишь – то ли просто жалко стало расставаться, то ли уже тогда решил сохранить ее на черный день, мудро понимая, что такой рано или поздно непременно наступит...

Он продолжал перебирать пластинки, уже не видя конвертов, потому что нахлынули воспоминания.

Вот ему восемнадцать, надрались с корешами до поросычьего визга – не то знаменитым всей стране «Солнцедаром», не то «Біле міцне», тоже уже не вспомнишь. И прыгали в этой самой комнате до упаду. Пока не пришла мама и не разогнала всю кодлу. Да плюс состоялся первый в жизни серьезный воспитательный разговор. Не ладошкой по заднице, а словами в душу...

А вот ему двадцать, он в солдатской форме – вернулся домой, уйдя на дембель, смотрит на все эти постеры на стенах, улыбается им как старым знакомым и думает, что пора определяться с дальнейшим...

А вот Французу двадцать один. Все с тем же дембельским чемоданом в руках он последний раз оглядывает комнату, прежде чем сделать шаг к двери, а потом в коридор и в прихожую...

У входа в комнату – немногочисленные венки. Надписи на черной ленте: «Вере Коробовой – от сослуживцев», «Маме от сына»... Венки должен отвезти к моргу дядя Митяй.

Ладно, об этом вспоминать не станем.

Он перебрался в зал, после смерти бабушки служивший родителям и спальней – по-другому в двухкомнатных квартирах не бывает. Подошел к стене, где всю жизнь висели семейные фотки в простеньких деревянных рамках, которые собственными руками изготовил отец. Снимки тоже изрядно выцвели, но все еще не сдавались перед проклятым временем. Максим снял со стены фотографию отца. Она сильно отличалась от остальных: обычно улыбчивый, отец тут смотрит строго и официально, а на пиджаке у него какая-то медаль. Наверное, юбилейная, теперь уже и не вспомнишь, к какому именно празднику наградили. Тогда отца еще ценили и уважали...

Максим перевернул фотографию и обнаружил, к своему удивлению, приклеенный пластырем старый косяк.

Надо же! Сколько ж он, бедолага, всеми забытый, тут прятался: сначала от мамы, а потом от того же времени?

Но находка – к месту, пожалуй. Еще одна память о бурной юности, когда о здоровье совершенно не волнуешься и все кажется тебе по плечу. Не то что в последние годы...

Максим вышел на балкон и закурил, разглядывая двор внизу. Припаркованная «альфа ромео» разделила судьбу других здешних машин – ее не наблюдалось. Ветер с шуршанием гонял желтые листья, закручивал в дальнем углу в слабенький смерчок. А потом шуршание заглушили уже знакомые детские и пенсионерские голоса. То ли очередная атака горного воздуха, то ли просто вштырило от старого косяка.

Докурив, Максим вернулся в квартиру, тщательно заперев балконную дверь. Больше тут делать было нечего. Второе свидание с прошлым состоялось. Но теперь появились планы на

следующие встречи, которые не стоило откладывать на завтра. Еще неизвестно, как все завтра, когда «бэдламовцы» наконец прилетят, повернется.

А тете Зине можно будет просто позвонить. Она, конечно, обидится, что не заглянул в гости, но от этих упреков мы запросто отбрешемся. И не с такими проблемами справлялись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.